КРУ(С...)
Г 36

Кр. 63.3(2)41
Г-36

СВЯТЫЙ

БЛАГОВѢРНЫЙ ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКІЙ

EX LIBRIS
Л.С.БОГДАНОВА

ЛИСТОК СРОКА ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

5/IV 80	25.11.91
19 IV 92	16/XI 00
21/IV 92	22.11.00
22/10 92	9/12 07
3/VIII 93	
28/IX 93	
2/IX 94	
19.02.95	
18 04 95	

26 ретрот

СВЯТЫЙ

Благовѣрный Великій Князь

АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКІЙ.

В. Георгіевскаго.

ВЛАДИМІРЪ.
Типо-Литографія В. А. Паркова.
1894.

кр. 9/с 134.5
Г36

кр. 63.3(2)414-8

От Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва Августа 13-го дня 1894 года.
Цензоръ священникъ *Григорій Дьяченко.*

кр·3937 н

ВЛАДИМИРСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА

Святый
Благовѣрный Великій Князь
АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКІЙ.

(Его неоцѣнимыя заслуги для Русскаго государства и Православной Церкви).

I.

Святый благовѣрный великій князь Андрей Боголюбскій принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ личностей древней Руси, съ которыми связано начало новой эпохи въ исторической жизни русскаго народа. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ и главныхъ виновниковъ созиданія сѣверной Руси, усиленія и возвышенія ея надъ южною.

При составленіи этой статьи источниками служили слѣдующія книги:

1) *Полное собраніе русск. лѣтописей* т. I—IX, XV т.

2) *Русская лѣтопись по Никоновскому списку*, изданная Академіею наукъ 1789 г.

3) *Лѣтописецъ Переславля Суздальскаго*, изд. кн. Оболенскаго 1851 г.

4) *Житіе св. благ. кн. Андрея Боголюбскаго*, рукопись библіотеки Успенскаго собора во Владимірѣ.

5) *Житіе св. Леонтія и Исаіи*, чудотв. Ростовскихъ. Прав. Собесѣд. за 1858 г. т. 1, 2.

Его мощный геній измѣнилъ теченіе исторической жизни русскаго народа, перемѣстивъ центръ русской государственной жизни съ юга на сѣверъ, и вывелъ на историческое поприще новую вѣтвь могущественнаго славянскаго племени—народность великорусскую. Застроивъ сѣверную Русь городами и селами и сдѣлавъ ее многолюдною, Андрей

---

6) *Князя М. Щербатова.* Исторія Россійская отъ древнѣйшихъ временъ. Спб. 1771. Т. 1, 2.

7) *В. Н. Татищева.* Исторія Росс. съ древнѣйшихъ временъ кн. 1—3-я 1774 г.

8) *И. Дмитревскаго.* О началѣ г. Владиміра, что на Клязьмѣ и пр. 1802.

9) *Карамзина.* Исторія государства Россійскаго 1—3 т.

10) *Арцыбашева.* Повѣствованіе о Россіи. Т. 1-й.

11) *Соловьева.* Исторія Россіи 1—3 т.

12) *Бѣляева.* Разсказы изъ русской исторіи 1—3 т. 1861—67 г.

13) Сказанія о началѣ Москвы. Его же. Русск. Вѣстн. 1868 кн. 3-я.

14) *Иловайскаго.* Исторія Россіи. Т. 1-й.

15) *Его же.* Исторія Рязанскаго княжества М. 1857 г.

16) *Бестужева-Рюмина.* Русская исторія т. 1-й 1872 г,

17) *Его же.* Андрей Боголюбскій въ Энциклопедич. словарѣ 1861 г.

18) *Погодина.* Древняя русская исторія до монгольскаго ига 1—3 т. 1871 г.

19) *Его же.* Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи по Русской исторіи М. 1847—1855 г. преимущественно 5, 6, 7 томы.

20) *Его же.* Андрей Боголюбскій. Журн. минист. нар. просвѣщенія 1849 г. и въ Москвитянинѣ 1849 г.

21) *Костомаровъ.* Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Т. 1-й.

22) *Его же.* Историческія монографіи и изслѣдованія т. 1-й и Сѣверно-русскія народоправства 1—2 т.

Боголюбскій былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и однимъ изъ первыхъ и главныхъ виновниковъ просвѣщенія этой Руси свѣтомъ Христовой вѣры. Если древніе лѣтописцы говорятъ про Ярослава, что онъ возрастилъ въ южной Руси сѣмена Христовой вѣры, посѣянныя св. Владиміромъ, то совершенно справедливо это нужно сказать и про Андрея Боголюбскаго относительно сѣверной Руси.

Созидая великолѣпнѣйшіе храмы въ разныхъ концахъ обширнаго Ростовско-Суздальскаго княжества, онъ первый

---

23) *Корсаковъ*. Меря и Ростовское княжество. 1872. Казань.

24) *Еп. Филарета*. Исторія русск. церкви 1—3 т.

25) *Его же*. Житія русскихъ святыхъ.

26) *Макарія митроп*. Исторія русск. церкви. Т. III и IV Спб. 1866 г.

27) *Голубинскаго Ев. Евст*. Исторія русск. церкви т. 1-й и 2-й 1880—1881 г.

28) *Титова*. Ростовская іерархія 89 г.

29) *Гр. А. С. Уварова*. Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ. Тр. I Арх. съѣзда.

30) *Ключевскаго*. Житія святыхъ, какъ историческій источникъ 72 г.

31) *Сергѣевича*. Вѣче и князь.

32) *Затыркевича*. О вліяніи борьбы между народами и сословіями на образованіе русскаго государства. Чт. Общ. ист. и др. 73 г.

33) *Тихонравова*. Владимірскій сборникъ 1857 г.

34) *Доброхотова*. Древній городъ Боголюбовъ.

35) *Тихонравова и Артлебена*. Древности Суздальско-Владимірской области, сохранившіяся въ памятникахъ зодчества. Вып. 1-й XII вѣкъ Влад. 1880 г.

36) *Прот. А. И. Виноградова*. Исторія Владимірскаго Успенскаго собора 2-е изд. 1891 г. и друг.

37) *Забѣлина И. Е*. О началѣ Москвы. Древности т. 1—2, и друг.

утвердилъ здѣсь православіе, какъ государственную религію собираемой имъ великорусской народности, и разсѣялъ мракъ язычества, густо облегавшій до него разноплеменную сѣверную Русь.

Подъ покровомъ христіанской православной вѣры, ставшей символомъ русской «народности», Андрей Боголюбскій первый измѣнилъ и самыя начала, которыми до него жила древняя кіевская Русь, провозгласивъ идею самодержавія основой политической жизни русскаго народа. Православіе и самодержавіе—эти краеугольные камни великаго зданія—государства русскаго были впервые указаны Андреемъ Боголюбскимъ народу русскому, какъ завѣтъ для достиженія государственнаго могущества и народнаго благосостоянія. Позднѣйшіе преемники Андрея Боголюбскаго—великіе князья московскіе, основавшіе великое государство Московское, разросшееся затѣмъ въ могущественную имперію, только развили и осуществили въ своей политической дѣятельности идеи Боголюбскаго.

Но не смотря на то, что дѣятельность Андрея Боголюбскаго въ исторіи является богатою такими великими послѣдствіями для нашего отечества, личность его далеко не представляется ясной въ сумракѣ вѣковъ отдаленныхъ. Сами лѣтописцы, повѣствуя о дѣяніяхъ Андрея, не даютъ намъ цѣльной и ясной характеристики этого князя. Въ изображеніи его у нихъ является двойственность: сѣверный лѣтописецъ представляетъ Андрея княземъ доблестнымъ, украшеннымъ всякими добродѣтелями, мудрымъ, благочестивымъ, милостивымъ и пр.; южный же лѣтописецъ, напротивъ, защищая старый порядокъ вещей, нарушаемый Андреемъ, враждебно относится къ великому князю и, не

отрицая его мудрости и другихъ хорошихъ качествъ, представляетъ его гордымъ, суровымъ, властолюбивымъ.

Эта двойственность въ изображеніи личности Андрея Боголюбскаго зависитъ прежде всего отъ того, что современники-лѣтописцы, слишкомъ привязанные къ старому порядку вещей, не понимали политической дѣятельности этого князя: сѣверные лѣтописцы, видя въ ней что-то необычное, не знали, какъ объяснить ее, а южноруссы, которымъ не нравилось возвышеніе сѣверной Руси и ея первенствующее значеніе, прямо враждебно относились къ дѣяніямъ в. кн. Андрея, объясняя его стремленіе къ самодержавію просто властолюбіемъ и гордостью, а его борьбу съ непокорными подручными ему князьями слѣдствіемъ «высокоумія» и «гнѣва на непокорство» [1]).

Сообразно этому и подъ перомъ историковъ Андрей Боголюбскій является намъ въ различномъ освѣщеніи. Одни изъ историковъ (Татищевъ, Карамзинъ, Устряловъ, Арцыбашевъ, Погодинъ) просто передаютъ лѣтописный разсказъ о дѣяніяхъ Андрея, не дѣлая собственной оцѣнки этихъ дѣяній и не давая такимъ образомъ полной характеристики его; другіе (Соловьевъ, Бѣляевъ, Бестужевъ-Рюминъ, Корсаковъ) обращаютъ вниманіе главнымъ образомъ на политическую дѣятельность Андрея Боголюбскаго

[1]) Когда великій князь Андрей выслалъ своихъ младшихъ братьевъ изъ Ростов.-Суздальской земли, лѣтописецъ замѣчаетъ: «се же сътвори хотя самовластецъ быти всей земли Суждальской и Ростовской». Когда Мстиславъ оказалъ явное неповиновеніе Андрею и оскорбилъ его посла, южный лѣтописецъ, не понимая огорченія Андрея, говоритъ: Андрей «исполнися высокоумья, разгорѣвся велми, разжегся гнѣвомъ... толикъ умникъ сы, во всѣхъ дѣлѣхъ добль сы и погуби смыслъ свой невоздержаньемъ, распалився гнѣвомъ».

и, отдавая должное его заслугамъ для государства, стараются объяснить ихъ преимущественно склонностью этого князя къ властолюбію, какъ основной чертой характера его. Наиболѣе рельефную характеристику князя Андрея въ этомъ направленіи даетъ проф. Корсаковъ въ своемъ изслѣдованіи о Ростовскомъ княжествѣ.

Корсаковъ считаетъ Боголюбскаго типичнымъ представителемъ великорусса: «благочестивый и богомольный, усердный къ церкви, милостивый до нищихъ, ласковый и добрый со своими подчиненными, какъ отецъ, Андрей Боголюбскій,—говоритъ Корсаковъ,—ласковъ до той только поры, пока никто не перечитъ его нраву. Разъ ему поперечили, не исполнили его воли—конецъ. Его самовластіе не признано,—и онъ выходитъ изъ себя: доброта смѣняется гнѣвомъ, благочестіе тонетъ въ высокоуміи, страсть беретъ верхъ надъ разсудкомъ» [1]).

Ошибочно принимая стойкость и твердость характера Андрея Боголюбскаго при достиженіи разъ намѣченной имъ цѣли, его постоянную вѣрность самому себѣ за склонность къ упрямству, чтобы не сказать болѣе, проф. Корсаковъ не отрицаетъ впрочемъ другихъ свѣтлыхъ чертъ въ характерѣ князя Андрея, которыми такъ щедро онъ былъ одаренъ отъ природы, —не отрицаетъ и важности Андрея Боголюбскаго въ исторіи Русскаго народа. Но есть среди историковъ и такіе, которые, слѣдуя исключительно южнорусскому лѣтописцу, тенденціозно игнорируютъ великія и свѣтлыя черты характера благовѣрнаго князя Андрея и великія дѣянія его. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и талантливѣйшій изъ нашихъ историковъ Костомаровъ. Онъ усиливаетъ темныя краски, которыми

[1]) Московское и Ростовское княжество. 110—111 стран.

иногда южнорусскій лѣтописецъ изображаетъ дѣянія этого князя, и совершенно отрицаетъ заслуги Андрея Боголюбскаго—и какъ политическаго дѣятеля, и какъ просвѣтителя сѣверной Руси. «Кромѣ желанія властвовать лично,—говоритъ онъ въ своей Русской исторіи,—у Андрея едва-ли былъ какой-нибудь идеалъ новаго порядка для русскихъ земель. Единственнымъ побужденіемъ всей его дѣятельности было властолюбіе; ему хотѣлось создать около себя такое положеніе, въ которомъ бы онъ могъ перемѣщать князей съ мѣста на мѣсто, какъ пѣшки, посылать ихъ съ дружинами туда и сюда по своему произволу, принуждать дружиться и ссориться между собою и заставить ихъ волею-неволею признавать себя старѣйшимъ и первенствующимъ. При всемъ своемъ умѣ, хитрости, изворотливости, Андрей не установилъ ничего прочнаго въ русскихъ земляхъ» [1]).

Нѣтъ надобности доказывать, что такой взглядъ на личность Андрея Боголюбскаго неизмѣримо далекъ отъ истины: онъ совершенно не вяжется съ изложеніемъ дѣятельности великаго князя даже у самого Костомарова, которое служитъ прямымъ опроверженіемъ этого взгляда, пристрастнаго въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ, историка. Помимо его воли, личность князя Андрея, не смотря на то, что Костомаровъ надѣляетъ его различными нелестными эпитетами, ярко выступаетъ изъ-подъ талантливаго пера историка и является предъ нами мощною и великою.

Не имѣя намѣренія входить въ полемику съ историками, обнаруживающими явное предубѣжденіе въ своихъ изслѣдованіяхъ и отзывахъ о личности и дѣяніяхъ благо-

[1]) Костомарова Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей т. 1-й изд. 3-е стр. 86—87.

вѣрнаго князя Андрея Боголюбскаго, постараемся представить жизнь и дѣятельность перваго великаго князя сѣверной Руси по возможности ближе къ лѣтописямъ и оцѣнить ту и другую постольку, поскольку онѣ имѣли значеніе для послѣдующей исторической жизни Руси, и вмѣстѣ съ тѣмъ остановимся нѣсколько подробнѣе на церковно-просвѣтительной дѣятельности этого князя, такъ какъ эта сторона его дѣяній менѣе всего затронута у историковъ, между тѣмъ какъ она наиболѣе важна для оцѣнки личности и заслугъ великаго князя Андрея Боголюбскаго, по справедливости причисленнаго русскою церковью къ лику святыхъ.

II.

Въ началѣ исторической жизни Руси, во время раздробленія ея на отдѣльныя княжества, однимъ изъ самыхъ обширныхъ по занимаемой территоріи было княжество Ростовско-Суздальское. Отъ южной Руси оно отдѣлялось густыми и непроходимыми лѣсами и считалось далекой и бѣдной окраиной. Древнѣйшимъ и основнымъ населеніемъ этого края, называвшагося также Залѣсскимъ, были народцы финскаго племени: Меря, Весь, Мурома, Мордва и друг.

Въ теченіе первыхъ столѣтій исторической жизни русскаго народа колонизація этихъ предѣловъ славянами шла чрезвычайно медленно, хотя древнѣйшіе славянскіе города—Ростовъ и Суздаль существовали уже въ IX в. Первыми славянскими поселенцами были здѣсь выходцы изъ сѣверо-западнаго края, изъ предѣловъ Новгородскихъ. Предпріимчивое населеніе Новгородскихъ областей, самовольно отправляясь на сѣверъ и востокъ искать себѣ

«гдѣ лучше», охотно селилось въ сосѣднихъ предѣлахъ Ростовско-Суздальской земли, среди полудикихъ народцевъ финскаго племени и мало-помалу занимало тамъ болѣе удобныя и плодородныя мѣста, преимущественно по берегамъ судоходныхъ рѣкъ. Между такими вольными колонистами въ этомъ краѣ были люди богатые независимые, большею частію Новгородскіе дѣти боярскіе, искавшіе жизни «на всей своей волѣ». Завладѣвая землей, которой было вдоволь на обширномъ пространствѣ отъ «Заволочья» до Уральскихъ горъ, эти дѣти боярскіе становились тамъ землевладѣльцами, часто вовсе независимыми отъ господина Великаго Новгорода,—земскими боярами. Они приглашали къ себѣ разнаго рода «сходцевъ» изъ низшихъ классовъ общества земледѣльческаго и промышленнаго, которые, селясь на ихъ земляхъ, становились къ нимъ въ обязательныя отношенія. И такихъ земскихъ бояръ было не мало въ Ростовско-Суздальской землѣ; имена нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напр. Степана Кучки, сохранила исторія. Затѣмъ, со второй половины IX в., на ряду съ этой вольной колонизаціей Ростовско-Суздальскаго края начинается колонизація княжеско-военная. Уже первые князья русскіе—Рюрикъ и Олегъ, расширяя свои Новгородскія владѣнія, мало-помалу завладѣвали землями на сѣверъ и востокъ, набирали изъ охочихъ людей «насѣльниковъ» этихъ новыхъ окраинъ, строили имъ города и укрѣпленія, судили и рядили въ этихъ городахъ и охраняли мирный трудъ поселенцевъ. За это княжескіе поселенцы становились къ князю въ такія-же обязательныя отношенія, какъ и вольные колонисты къ земскимъ боярамъ. Съ развитіемъ и усиленіемъ княжеско-военной колонизаціи усиливалась здѣсь и власть князя. Земскіе бояре должны были стать въ тѣ или дру-

гія отношенія къ князьямъ русскимъ,—и вотъ одни изъ этихъ сильныхъ и богатыхъ бояръ добровольно уступаютъ свои права князю, становясь въ число его дружинниковъ, занимая важныя должности намѣстниковъ княжескихъ, тысяцкихъ, волостелей и т. п., другіе дѣлаются его помощниками послѣ болѣе или менѣе упорной борьбы, уступая лишь силѣ князя.

Что же касается до отношенія славянъ переселенцевъ къ основному финскому населенію, то это отношеніе обоихъ народовъ отличалось совершенно мирнымъ характеромъ. Древніе писатели (Тацитъ, Іорнандъ) называютъ финновъ самымъ мирнымъ племенемъ изъ обитателей европейскаго сѣвера. Тоже впечатлѣніе мирнаго, уступчиваго, забитаго племени финны произвели и на русскихъ. Древняя Русь, встрѣтившись съ финскими племенами, кажется, сразу почувствовала свое превосходство надъ ними, назвавъ всѣ эти племена ироническимъ именемъ «Чуди бѣлоглазой». Финны или сливались съ славянами, теряя свою самобытность, или же уходили все далѣе и далѣе на сѣверъ и востокъ. Но это обрусѣніе края и заселеніе совершалось не вдругъ, а шло въ началѣ чрезвычайно медленно. До начала XII вѣка, Ростовско-Суздальская земля считалась бѣдной, глухой и отдаленной окраиной, въ которой первые русскіе князья даже не хотѣли жить постоянно, предоставляя управленіе краемъ намѣстникамъ своимъ, а сами лишь изрѣдка наѣзжая сюда, или если ужъ и давали здѣшнимъ городамъ князей, то самыхъ младшихъ изъ княжескаго рода.

Слабо проникало сюда, въ эту отдаленную окраину, и христіанство до XII вѣка. Хотя позднѣйшіе лѣтописцы въ сказаніи о крещеніи Руси и повѣствуютъ, что самъ

князь Владиміръ вмѣстѣ съ епископами проповѣдывалъ христіанскую вѣру въ Ростовско-Суздальской землѣ, «наказуя люди и крестя», но несомнѣнно, что христіанство начало здѣсь распространяться и укрѣпляться значительно позднѣе,—лишь во времена Леонтія и Исаіи, епископовъ Ростовскихъ, жившихъ во второй половинѣ XI вѣка.

Съ конца XI и первой половины XII в. положеніе Ростовско-Суздальской земли начинаетъ измѣняться. Славянское населеніе ея быстро начинаетъ увеличиваться, Ростовско-Суздальская земля начинаетъ быстро расти, увеличиваться, богатѣть и наконецъ къ началу XIII в. достигаетъ цвѣтущаго состоянія. Главная причина этого быстраго возвышенія и усиленія Ростовско-Суздальской земли заключалась въ обильномъ притокѣ на сѣверъ славянскаго населенія изъ южной Руси,—притока, вызваннаго, съ одной стороны, неблагопріятными условіями жизни южной Руси того времени, съ другой—мудрою и энергичною дѣятельностью Ростовско-Суздальскихъ князей и главнымъ образомъ—мудрой политикой перваго великаго князя сѣверной Руси, Андрея Юрьевича Боголюбскаго.

Въ теченіе XI и XII в. условія жизни на югѣ Россіи настолько измѣнились къ худшему, въ особенности для низшихъ классовъ, стали столь тягостными, что южнорусссы массами должны были оставлять югъ и искать новыхъ, болѣе удобныхъ, мѣстъ для поселенія. Въ то время югъ представлялъ изъ себя, выражаясь словами Карамзина, постоянный театръ междоусобій. Князья южнорусскіе въ погонѣ за княженіемъ въ богатыхъ городахъ, изъ-за безконечныхъ родовыхъ счетовъ, вели постоянныя междоусобныя войны другъ съ другомъ,—войны, которыя сопровождались полнымъ разореніемъ мѣстнаго низшаго

населенія и обращеніемъ его въ рабство. Побѣдитель обыкновенно выжигалъ села и города у противника, т.-е. то, чего нельзя было захватить съ собою; имущество же и скотъ побѣжденныхъ забирались и составляли добычу князя и дружины, а населеніе или «челядь» обращалось въ рабовъ и могло продаваться князьями даже на восточныхъ рынкахъ наравнѣ съ мѣхами, медомъ, кожами и другими товарами, составлявшими предметъ торговли русскихъ съ греками и съ другими народами. Наряду съ этимъ южно-русское населеніе терпѣло безпрерывные набѣги отъ степныхъ кочевниковъ—Половцевъ, Торковъ, Берендѣевъ, и друг., которыхъ князья, занятые своими усобицами, своими родовыми счетами, не только не сдерживали, но даже часто сами приводили на землю русскую. Владиміръ Мономахъ на съѣздѣ близъ Кіева на Долобскомъ озерѣ такъ изобразилъ предъ князьями всю беззащитность южно-русскаго поселянина: «выѣдетъ смердъ,—говорилъ онъ,—весною пахать, придетъ Половчанинъ, застрѣлитъ его, а лошадь его, и жену, и дѣтей возьметъ себѣ, и гумно зажжетъ».

Еще болѣе яркое изображеніе тогдашняго печальнаго состоянія южной Руси мы находимъ въ «Словѣ о полку Игоревѣ». «Тогда,—говоритъ пѣвецъ «Слова»,—въ южной Руси

«Кругомъ междоусобья засѣвались,
Всходили, горемъ разрастались;
И погибала жизнь людей,
Внучатъ могучаго Даждь-бога [1]),
И сокращалася на много
Въ междоусобіяхъ князей.

[1]) Даждь-богъ—одно изъ добрыхъ божествъ у славянъ-язычниковъ.

«Въ то время рѣдко оглашали
Равнины пѣсни поселянъ;
Но часто вороны кричали,
Терзая трупы христіанъ;
А галки въ полѣ собирались
И на пиру родныхъ полянъ
Между собой перекликались» [1]).

Эта полная беззащитность южно-руссовъ, ихъ тяжелое положеніе заставляло ихъ удаляться въ глубь лѣсовъ «сквозь Вятичѣ», самое дикое племя, населявшее эти лѣса, и селиться въ предѣлахъ Ростовско-Суздальскаго княжества, гдѣ было совсѣмъ тихо и спокойно и совершенно безопасно.

И такой приливъ населенія съ юга на сѣверъ совершался въ это время незамѣтно и довольно быстро: южная Русь бѣднѣла, пустѣла, а сѣверная напротивъ болѣе и болѣе богатѣла славянскимъ населеніемъ, которое становилось здѣсь съ каждымъ годомъ все гуще и настолько поглотило основное финское населеніе, что отъ Мери, Веси и др. финскихъ инородцевъ скоро не осталось здѣсь ничего, кромѣ финскихъ названій рѣкъ, озеръ и урочищъ, которыя до сихъ поръ дико звучатъ для русскаго уха [2]).

Колонизація сѣвера въ особенности усиленно совершалась во время княженія въ Ростовско-Суздальской землѣ Юрія Долгорукаго, который не понималъ и не могъ оцѣнить всей важности этого прилива южно-русскаго населенія

[1]) Слово о полку Игоревѣ въ переводѣ Н. Гербеля.

[2]) Вотъ напр. финскія названія нѣкоторыхъ мѣстностей, рѣкъ и озеръ древней Ростов.-Суздал. области, сохранившіяся досель: рѣкъ—Нерль, Гда, Сулость, Нина, Мокша, Войга, Кисьма, Чемузье, Шиголость, Рума и др.; озеръ—Карашъ, Ягорба, Исехра и др.; селъ—Чучеры, Пужбалъ, Вашка, Брембола, Майморъ и др.

на сѣверъ. Будучи однимъ изъ младшихъ сыновей великаго князя Владиміра Мономаха и принужденный долго жить въ землѣ Ростов.-Суздальской, онъ не любилъ ея, скучалъ постоянно по веселомъ, полномъ движенія и жизни, югѣ и всю жизнь свою мечталъ сдѣлаться великимъ княземъ въ славномъ Кіевѣ, который по своимъ жизненнымъ удобствамъ, по фамильнымъ преданіямъ, наконецъ какъ церковно-административный центръ, служилъ завѣтной мечтой для каждаго древне-русскаго князя. По смерти отца своего, Владиміра Мономаха, Ю. Долгорукій начинаетъ сторожить Кіевъ: въ 1132 г. онъ бросаетъ свою Суздальскую землю, переселяется въ Городецъ (близь Кіева) и промѣниваетъ свое княжество—Суздаль и Ростовъ брату Ярополку на Переславль (южный) съ одной цѣлью, чтобы быть хотя поближе къ этому для всѣхъ князей вожделѣнному Кіеву. Но первыя его попытки удержаться на югѣ были безуспѣшны: онъ былъ еще не настолько силенъ, чтобы не допустить на Кіевскій столъ своихъ соперниковъ, и поэтому въ 1137 г. онъ снова удаляется на сѣверъ, въ свой родной Суздаль, и проводитъ здѣсь цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ, набираясь силъ, нужныхъ для захвата Кіева, если не по праву старшинства, то хотя по праву сильнаго. На его счастіе, въ землю Ростовско-Суздальскую какъ разъ въ этотъ періодъ времени и усиливается приливъ южнорусскаго населенія. Занятый всецѣло одной мыслью, какъ бы увеличить свои силы и захватить въ свои руки Кіевъ, Юрій Долгорукій и рѣшилъ воспользоваться этой эмиграціей южно-русскаго населенія на сѣверъ. Принимая въ свои владѣнія переселенцевъ, между которыми было не мало людей промышленныхъ и богатыхъ, и раздавая имъ свои пустопорожнія земли, онъ увеличилъ значительно свои княжескіе доходы и тѣмъ получилъ возможность

нанимать и содержать многочисленныя и сильныя дружины, съ которыми онъ въ 1149 г. и началъ снова свои походы на югъ для занятія великокняжескаго стола. Почувствовавъ свою силу, благодаря переселенцамъ, онъ всѣхъ на сѣверѣ заставилъ служить своимъ интересамъ въ борьбѣ съ южными князьями за Кіевъ: онъ нашелъ средство сдѣлать покорными себѣ Новгородцевъ, прекративъ къ нимъ подвозъ хлѣба изъ своего княжества и мѣшая ихъ торговлѣ съ восточными инородцами и въ особенности съ Волжскими Болгарами, путь къ которымъ лежалъ чрезъ его владѣнія,— и чрезъ нихъ началъ дѣйствовать и на Кіевъ. Онъ сломилъ своеволіе и мѣстныхъ земскихъ бояръ, въ родѣ Степана Кучки, заставивъ ихъ участвовать въ его походахъ на южную Русь.

Такимъ образомъ слѣпо привязанный къ южной Руси, къ Кіеву, Юрій Долгорукій подъ конецъ своей жизни добился своей цѣли: онъ сдѣлался великимъ княземъ Кіевскимъ и умеръ въ этомъ званіи, такъ и не понявъ важнаго значенія совершавшихся при немъ событій на сѣверѣ. Но за то всю важность отлива южно-русскаго населенія на сѣверъ, истинное значеніе этого заселенія сѣвера славянами понялъ и должнымъ образомъ оцѣнилъ знаменитый сынъ Юрія Долгорукаго Андрей Боголюбскій— первый великій князь сѣверной Руси, который былъ главнымъ виновникомъ собиранія Руси на сѣверѣ, даже при жизни отца своего и еще болѣе послѣ его смерти, и главнымъ виновникомъ ея возвышенія и усиленія.

III.

Андрей Юрьевичъ Боголюбскій былъ вторымъ сыномъ вел. кн. Юрія Владиміровича Долгорукаго, внукомъ знаменитаго вел. кн. Владиміра Мономаха. Мать его была

дочерью половецкаго хана Аэпы Асеневича, на которой Юрія женилъ отецъ его Владиміръ Мономахъ въ 1108 г. послѣ того, какъ та приняла крещеніе [1]). Лѣтописецъ, занятый описаніемъ безконечныхъ войнъ южнорусскихъ князей и ихъ усобицъ, не обратилъ вниманія на рожденіе сына у Юрія Долгорукаго, тогда безвѣстнаго князя Суздальскаго, и не сообщилъ ни года рожденія Андрея, ни мѣста, гдѣ онъ родился. Съ большею вѣроятностью годомъ рожденія можно считать 1111-й годъ, [2]) мѣстомъ же рожденія нужно считать Суздаль, гдѣ жилъ тогда Юрій Долгорукій уже съ 1096 года, сдѣлавшійся княземъ этой области въ 1107 г. [3]). Богато одаренный отъ природы не-

[1]) Подобные браки русскихъ князей на половчанкахъ были не рѣдкость въ XI, XII в. Лѣтописецъ упоминаетъ, что въ томъ же 1108 г. Олегъ женилъ сына своего на половчанкѣ, тоже Аэпиной дочери Гиргеневой внукѣ: а ранѣе въ 1094 г. Святополкъ женился на дочери хана Туторкана половецкаго; на внукѣ этого Тугоркана или Туркана былъ женатъ, 10 лѣтъ спустя, другой братъ Юрія Святополкъ. Князья вступали въ брачные союзы съ Половцами съ цѣлью удержать ихъ отъ набѣговъ (Лек. Погодина V т. 157—158).

[2]) Татищевъ говоритъ: «о дѣтяхъ и внукахъ Юрія II, а именно о рожденіи, бракахъ и кончинахъ ихъ, писатели мало прилежали... Изъ всѣхъ дѣтей о рожденіи токмо объ одномъ Всеволодѣ лѣтописецъ упомянулъ, а Андрей при концѣ, что жилъ 63 или 65 лѣтъ». Извѣстно же, что Андрей скончался въ 1174 г.; слѣдовательно Андрей родился или въ 1109 или въ 1111 г. Послѣднее вѣроятнѣе, такъ какъ извѣстно, что у Юрія были и старшіе дѣти, изъ коихъ извѣстенъ Ростиславъ. (Т. III стр. 513).

Карамзинъ замѣчаетъ, что Андрей едва ли дожилъ до 60 лѣтъ. Это не вѣрно (Т. III пр. 26).

[3]) Погодинъ предполагаетъ, что Андрей родился и воспитывался во Владимірѣ, который онъ и получилъ впослѣдствіи во владѣніе отъ отца своего Юрія. Но едва ли можно предполагать, что Юрій жилъ въ Суздалѣ, а жена съ сыномъ во Владимірѣ. Что Юрій жилъ въ то время во Владимірѣ—см. П. С. Л. т. II стр. 152.

обычайными умственными способностями и всѣми дарами духовными, Андрей получилъ безъ сомнѣнія въ домѣ отца своего тщательное воспитаніе. Хотя къ сожалѣнію древній лѣтописецъ ничего положительно не передалъ намъ о первыхъ годахъ жизни Андрея Боголюбскаго, но судя по тѣмъ чертамъ нравственнаго характера, которыми отличался впослѣдствіи Андрей Боголюбскій можно предположить, что онъ воспитывался наилучшимъ образомъ въ духѣ того времени. Главное вниманіе его воспитателей, нужно думать, было обращено на развитіе въ душѣ его христіанскихъ убѣжденій и благочестія, которыми и дѣйствительно проникнута была вся жизнь Боголюбскаго. «Благовѣрный и христолюбивый князь Андрей,—говоритъ лѣтописецъ,—отъ млады версты Христа возлюби и Всепречистую Матерь Его, смыслъ бо очистивъ и умъ, яко палату красну, душу украсивъ всѣми добрыми нравы... не омрачи бо ума своего піянствомъ» [1]). Такъ какъ образованіе въ то время было исключительно въ рукахъ духовенства, то несомнѣнно, что оно носило характеръ духовный; чтеніе же Свящ. Писанія и душеполезныхъ книгъ было на первомъ планѣ при этомъ обученіи, коему княжескія дѣти посвящали все свое дѣтство. Кромѣ того чтенія, ихъ учили и письму, а нѣкоторыхъ даже иностраннымъ языкамъ; по крайней мѣрѣ извѣстно, что братъ Андрея Михаилъ Юрьевичъ «съ греки и латыны говорилъ ихъ языкомъ, яко русскимъ». Любознательный умъ Андрея съ жадностью внималъ словамъ ученія книжнаго. «Отъ юнаго бо возраста, отъ младыхъ ногтей отъ мірскихъ суемудрій отврати себе,—говоритъ списатель его житія—[2]),

[1]) Полн. собр. Лѣт. 1, 156.

[2]) Это житіе находится въ библіотекѣ каѳедральнаго Успенскаго собора во Владимірѣ, отрывокъ же отъ него напечатанъ

К-р. 3937

ни на что бо ему бѣ тщательно отъ сущихъ міра, точію къ поученіемъ книжнымъ и къ церковному пѣнію. Гласы божественными всегда огласоваше ушеса своя, святыхъ книгъ поученій сладце послушающи, отнюду же притяжа себѣ зачало премудрости—страхъ Божій и премудрость разума отъ писаній святыхъ».

Любовь къ чтенію Свящ. Писанія и душеполезныхъ книгъ, пріобрѣтенная имъ еще въ дѣтствѣ, была присуща ему во всю жизнь. Изъ лѣтописей видно, что у Андрея часто были на устахъ слова Свящ. Писанія [1]), которымъ онъ пользуется для подкрѣпленія своихъ мыслей и для убѣжденія другихъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ истиннымъ внукомъ своего знаменитаго дѣда—Владиміра Мономаха, всегда имѣвшаго съ собою книги Свящ. Писанія и въ особенности Псалтырь, которыя онъ читалъ при всякомъ удобномъ случаѣ [2]). Любовь къ церковному пѣнію и вообще къ службамъ церковнымъ, о чемъ упоминаетъ списатель житія, также были привиты добрымъ воспитаніемъ Боголюбскому на всю жизнь. Любитель благолѣпія церковнаго, онъ прекрасно зналъ церковный уставъ и наизусть зналъ, какого святого и въ какой день творится

В. Доброхотовымъ въ приложеніи къ его книгѣ. «Древній городъ Боголюбовъ» М. 1852 г. Стр. 87—89.

[1]) Послѣ ратнаго подвига подъ Луцкомъ Андрей, упрашивая отца примириться съ Изяславомъ, говоритъ ему: «Отче господине!... помяни слово Писанія: се коль добро и красно, еже жити братіи вкупѣ».

[2]) Въ своемъ поученіи Мономахъ говоритъ, что онъ, возвращаясь съ Любечскаго съѣзда въ Ростовскую область «на далечи пути, на саняхъ сѣдя, въ печали разгнуль псалтирь и прочетъ псаломъ «вскуе печалуешься душе...»

память [1]), неопустительно посѣщалъ богослуженіе и, кромѣ сего, говоритъ др. списатель житія, «всегдашнее же бѣ у него бдѣнія всенощнаго и утаенныхъ молитвъ къ Богу присвоеніе» [2]). Впослѣдствіи онъ часто удалялся въ храмъ изъ своего дворца для совершенія тайной ночной молитвы, чему онъ, безъ сомнѣнія, былъ пріученъ въ дѣтствѣ.

Одновременно съ книжнымъ ученіемъ Андрей, разумѣется, научался и воинскому искусству: ѣздить на конѣ, стрѣлять изъ лука и другимъ воинскимъ упражненіямъ, благодаря чему изъ него и вышелъ доблестный витязь, не боявшійся никакой опасности, съ необыкновенной отвагой бросавшійся на непріятеля и въ пылу битвы далеко превосходившій всѣхъ своею храбростью. [3]) Много способствовала развитію воинской доблести и княжеская охота, которой князья русскіе занимались съ самой ранней юности. Охота тогда была не праздною забавою, не тратою времени, а необходимымъ упражненіемъ. Охота производилась не на смирныхъ только и безвредныхъ животныхъ, но главнымъ образомъ на хищныхъ, дикихъ и кровожадныхъ, которыми тогда были переполнены непроходимые лѣса и обширныя степи русскія; такимъ образомъ охота служила хорошимъ средствомъ для упражненія въ воинскомъ искусствѣ, служила средствомъ для развитія храбрости, неустрашимости, находчивости и др. качествъ,

[1]) Такъ 8 февраля 1149 г. въ битвѣ подъ Луцкомъ, находясь на краю гибели, онъ вспомнилъ, что въ тотъ день творилась церковію память св. Велик. Ѳеодора Стратилата и обратился къ этому святому съ пламенною мысленною молитвою. И св. угодникъ избавилъ князя Андрея отъ неизбѣжной гибели. П. С. Лѣтоп. Т. I. подъ 1149 г.

[2]) Рук. жит. б. Усп. соб.

[3]) П. С. Л. т. I. подъ 1149—1150 и 1152 г.

столь необходимыхъ для князя, какъ предводителя на войнѣ.

Воспитаніе дѣтей въ древнихъ княжескихъ семьяхъ оканчивали рано, и молодыхъ княжичей женили по достиженіи ими 15—16-лѣтняго возраста и даже ранѣе. Изъ лѣтописей извѣстно, что братъ Андрея Боголюбскаго Всеволодъ женилъ сына своего Константина даже 10-ти лѣтъ, и тотъ-же Всеволодъ выдалъ дочь свою Верхуславу 8-ми лѣтъ за 14-лѣтняго князя Ростислава Рюриковича. Но случаи столь раннихъ браковъ были все-таки довольно рѣдкими. Нужно съ увѣренностью предположить, что Юрій Долгорукій женилъ Андрея по достиженіи имъ совершеннолѣтія. По крайней мѣрѣ историкъ Погодинъ утверждаетъ, что Андрея женили вскорѣ послѣ 1130 года, и есть основаніе этотъ бракъ отнести къ 1139 г. [1]), когда Андрею Боголюбскому было 28 лѣтъ отъ роду. Имя жены Андрея [2]) и обстоятельства его женитьбы сообщаются въ народныхъ сказаніяхъ о началѣ Москвы, [3]) сохранившихся въ рукописяхъ Синодальной библіотеки.

По этому сказанію на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится Москва, жилъ богатый бояринъ, Суздальскій ты-

[1]) Преданіе о началѣ Москвы, помѣщенное у Щербатова и Татищева и др. историковъ, относитъ бракъ Андрея къ 1158 г.: но это не вѣрно: въ 1159 г. Андрей уже выдавалъ дочь свою Ростиславу за князя Святослава Владиміровича. Тат. III т. 124 стр.

[2]) Андрей, если вѣрить Тверской лѣт., былъ женатъ еще разъ на Болгаркѣ. Извѣстіе это находится въ этой лѣтописи подъ 1175 г. въ повѣсти объ убіеніи Андрея, гдѣ жена его является участницей заговора противъ него. П. С. Лѣт. т. XV стр. 250,

[3]) Сказанія эти подробно разобраны И. Д. Бѣляевымъ въ статьѣ «Сказанія о началѣ Москвы», помѣщ. въ Русск. Вѣсти. 1868 г. кн. 3. стр. 5—26, и И. Е. Забѣлинымъ.

сицкій Степанъ Кучка, владѣя здѣсь многими селами красными. Этотъ боярипъ, возгордѣвшись зѣло, однажды не только не воздалъ чести князю Юрію, но и поносилъ его. Князь, не стерпя такого посрамленія, приказалъ предать непокорнаго боярина смерти, а сыновей его Петра и Якима, еще очень молодыхъ и красивыхъ, и дочь—красавицу, именемъ Улиту, отослалъ во Владиміръ къ сыну своему Андрею. Построивъ Москву на мѣстѣ Кучковыхъ владѣній, Юрій пріѣхалъ во Владиміръ и сочеталъ здѣсь бракомъ сына своего Андрея съ дочерью Кучки. Изъ этого преданія видно, что Улита, жена Боголюбскаго, была дочерью одного изъ сильныхъ мѣстныхъ земскихъ бояръ владѣльцевъ, которые переселились сюда издавна изъ Новгорода и съ которыми Юрію пришлось вступать въ открытую борьбу, такъ какъ эти земскіе люди вовсе не хотѣли повиноваться князю и желали жить на «всей своей волѣ» [1]). Это народное преданіе не противорѣчитъ и

[1]) Татищевъ въ своей «Ист. Рос.», пользовавшійся источниками теперь утраченными, иначе изъясняетъ причину казни Степана Кучки. Онъ сообщаетъ, что жена Кучки была любовницею князя Юрія, которую онъ болѣе всѣхъ любилъ. Когда Юрій пошелъ къ Торжку (нужно думать въ 1139 г.), Кучка не хотѣлъ участвовать въ походѣ изъ-за досады на князя Юрія, пріѣхалъ домой и заточилъ свою жену за ея любовь къ Юрію, а самъ хотѣлъ уйти на службу къ князю Изяславу. Юрій, узнавъ о заточеніи своей любовницы, внезапно съ малыми людьми оставилъ свое войско подъ Торгомъ, съ великою яростію пріѣхалъ въ Кучково и убилъ непокорнаго Кучку. (Ист. Рос. III т. 300 стр.). Мы не знаемъ, откуда взялъ Татищевъ это извѣстіе, но оно не противорѣчитъ и вышеупомянутому сказанію и близко къ истинѣ. Изъ лѣтописи извѣстно, что Юрій не отличается супружеской вѣрностью (не забудемъ, что онъ женатъ былъ отцемъ изъ политическихъ разсчетовъ на половчанкѣ). На женолюбіе Юрія намекаетъ и Даніилъ Заточникъ въ своемъ «Моленіи» къ нему: «не мужъ въ му-

лѣтописнымъ извѣстіямъ. Впослѣдствіи мы увидимъ, что братья Улиты—Петръ и Якимъ Кучковичи служили при дворѣ Андрея Боголюбскаго до самой его смерти, коей они и были главными виновниками.

По достиженіи совершеннолѣтія князьямъ обыкновенно давался для кормленія и управленія въ родовой отчинѣ одинъ изъ городовъ. Такой городъ получилъ и Андрей Боголюбскій отъ отца. [1]) Это былъ тогда незначительный, бѣдный и малонаселенный городъ Владиміръ на Клязьмѣ, только-что отстроенный [2]) дѣдомъ Боголюбскаго, вел. кн. Владиміромъ Мономахомъ. Здѣсь протекли первые годы молодости и зрѣлаго мужества Боголюбскаго; здѣсь же конечно зародились въ немъ и первыя думы о возвышеніи Ростовско-Суздальской земли среди русскихъ княжествъ.

Усилившееся къ тому времени колонизаціонное движеніе славянскаго населенія съ юга на сѣверъ и неразлучныя съ этимъ наплывомъ населенія заботы по устрой-

жехъ, кѣмъ жена владѣетъ, не работа въ работѣхъ подъ женками возъ возити[1], говоритъ онъ. (Мол. Дан. Заточника).

Если принять извѣстіе Татищева за вѣрное, то годомъ женитьбы Андрея будетъ 1139 годъ, когда Андрею было 28 лѣтъ, такъ какъ взятіе Н. Торга у Новгородцевъ Юріемъ произошло въ 1139 г. (П. С. Л. т. I и II, подъ 1139 г.).

[1]) Время, когда данъ былъ Андрею Владиміръ съ точностью опредѣлить нельзя. Но что онъ былъ княземъ Владимірскимъ до 1147 г.—видно изъ лѣтоп. (См. П. С. Л. т. I. 144 стр.). И въ народномъ преданіи «о началѣ Москвы» Андрей считается княземъ Владимірскимъ до женитьбы на Улитѣ Кучковнѣ. Юрій отсылаетъ братьевъ Кучковичей и Улиту, сестру ихъ, къ Андрею во Владиміръ.

[2]) Нѣкоторые, на основаніи Степенной Книги, основаніе гор. Владиміра приписываютъ Владиміру Святому.

ству пришельцевъ на новыхъ мѣстахъ дали исходъ кипучей энергіи живого, полнаго силъ и жажды дѣятельности, юнаго князя Андрея. Понимая всю важность этого прилива южнорусскаго населенія на сѣверъ для земли Ростовско-Суздальской, которую онъ любилъ, какъ свою родину, Андрей съ увлеченіемъ предался великому дѣлу собиранія и устроенія сѣверной Руси: онъ строилъ города (Кснятинъ въ 1134 г., Юрьевъ Польскій въ 1152, Дмитровъ въ 1154 г. и др.), помогалъ переселенцамъ устроиваться на новомъ мѣстѣ,—словомъ, во всей этой мирной и трудной колонизаціонной работѣ онъ былъ главнымъ дѣятелемъ. Юрій Долгорукій, и по своему характеру [1]), и по воспитанію не былъ способенъ отдаваться этой незамѣтной, трудной и хлопотливой работѣ, неразрывно связанной съ колонизаціей Рост.-Суздальской земли. Это былъ, какъ есть, южно-русскій князь съ широкой русской натурой, проводившій время въ шумѣ, весельѣ, пирахъ, и смотрѣвшій на жизнь не иначе, какъ на непрерывный рядъ удовольствій. Притомъ онъ былъ слишкомъ занятъ борьбою съ родичами за Кіевскій великокняжескій столъ, чтобы много заниматься устройствомъ своей скучной Ростовско-Суздальской земли, которую нисколько не любилъ. Ему нужно было усиленіе этого сѣвернаго своего княжества, такъ-какъ нужны были средства для веденія борьбы на югѣ; но самую работу по устроенію и усиленію княжества онъ предпочиталъ возложить на другихъ,—и ближайшимъ и надежнѣйшимъ помощникомъ, который могъ сдѣлать всю эту работу, былъ сынъ его **Андрей.**

[1]) Татищевъ, дѣлая характеристику Юрія, говоритъ: «онъ былъ великій любитель женъ, сладкихъ пищъ и питія и день и всю нощь на скомонѣхъ пія препроводилъ». Т. III 103 стран.

Что Андрей Боголюбскій былъ главнымъ дѣятелемъ въ этой колонизаціонной работѣ на сѣверѣ еще въ первое время своего пребыванія въ Ростовско-Суздальской землѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ онъ самъ впослѣдствіи въ 1162 г. «Я Бѣлую Русь городами и селами застроилъ и многолюдною учинилъ»,—говоритъ онъ на собраніи князей и бояръ во Владимірѣ. Еслибы Боголюбскій трудился надъ устроеніемъ своей земли лишь съ 1156 г. по 1162 г.—время своего вторичнаго пребыванія на сѣверѣ,—то онъ не имѣлъ бы основанія такъ говорить о своей столь кратковременной дѣятельности. Колонизація сѣвера, устроеніе многочисленныхъ городовъ, увеличеніе народонаселенія и усиленіе земли Ростовско-Суздальской требовали не пятилѣтней дѣятельности, а цѣлыхъ десятилѣтій, какъ и было на самомъ дѣлѣ, такъ-какъ Андрей Боголюбскій жилъ и трудился здѣсь съ небольшими перерывами до этого времени цѣлыхъ тридцать лѣтъ. Что молодые годы не прошли даромъ у Боголюбскаго, свидѣтельствуетъ наконецъ та единодушная любовь, которую онъ заслужилъ во всей землѣ и которая особенно ярко выразилась въ единодушномъ избраніи его княземъ всей Ростовско-Суздальской земли по смерти Юрія Долгорукаго. Лѣтописцы не отмѣтили этой мирной, скромной и невидной, но въ высшей степени плодотворной, колонизаторской дѣятельности Андрея на далекомъ сѣверѣ. Они были слишкомъ привязаны къ своему югу, слишкомъ заняты междоусобіями южнорусскихъ князей, ратными подвигами ихъ и въ особенности ратными подвигами своихъ любимцевъ, которыхъ не мало было между князьями у каждаго лѣтописца. Лѣтописецъ былъ вполнѣ человѣкомъ своего времени: у него былъ свой идеалъ князя, которымъ онъ измѣрялъ всѣхъ своихъ современниковъ и ихъ дѣянія. Наиболѣе

подходящимъ подъ этотъ идеалъ былъ князь Владиміръ Мономахъ, совершившій 83 большихъ похода противъ Половцевъ и другихъ кочевниковъ, всю жизнь свою проведшій на конѣ и «на далечи пути въ санѣхъ сѣдя», подвергаясь всевозможнаго рода опасностямъ безпокойной ратной жизни. Подвиги личной храбрости, прямота дѣйствій и беззавѣтная удаль—вотъ качества, наиболѣе всего цѣнимыя современниками и лѣтописцами. На нихъ-то въ особенности и любитъ останавливаться древній лѣтописецъ, живописуя событія своего времени. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется полное молчаніе лѣтописцевъ о плодотворной мирной дѣятельности Андрея Боголюбскаго на сѣверѣ въ теченіе болѣе 20 лѣтъ. Но зато съ 1146 г. они съ восторгомъ начинаютъ описывать ратные подвиги Боголюбскаго, его удаль, храбрость, неустрашимость и вмѣстѣ съ тѣмъ его хладнокровіе, которыми онъ рѣзко выдѣляется между всѣми южными князьями.

Бывши главнымъ дѣятелемъ на сѣверѣ, Андрей Боголюбскій является правой рукой Юрія и на югѣ во время усиленной погони своего отца за великимъ княженіемъ Кіевскимъ съ 1149 г. по 1155 годъ. Онъ участвуетъ во всѣхъ походахъ Юрія на югѣ, занимаетъ по приказанію отца княжескіе столы близъ Кіева въ Вышгородѣ, Пересопницѣ (мѣстеч. Волын. губ.) и другихъ мѣстахъ, чтобы быть всегдашнимъ защитникомъ отца и его интересовъ, какъ покорный волѣ родительской сынъ, и въ теченіе этого тяжелаго времени неоднократно выказываетъ чудеса личной храбрости въ многочисленныхъ битвахъ и сраженіяхъ. Южный лѣтописецъ особенно подробно и яркими красками изображаетъ битву подъ г. Луцкомъ въ 1150 г., гдѣ Андрей Боголюбскій отличился своей беззавѣтной

храбростью подъ стѣнами этого города предъ лицемъ многочисленныхъ дружинъ отца своего, дяди Вячеслава и двоюроднаго брата Владиміра Мстиславича, бывшаго однимъ изъ серьезныхъ противниковъ Юрія Долгорукаго. Андрей съ братомъ своимъ Ростиславомъ, по приказанію отца своего, первые съ полками своими выступили къ г. Луцку (Волын. губ.), гдѣ засѣлъ враждебный Юрію Владиміръ Мстиславичъ. Недалеко отъ этого города ночью вдругъ въ войскѣ Андрея между Половцами, союзниками Юрія, произошелъ переполохъ: Половцы чего-то испугались и начали разбѣгаться. Дружина Андрея разбудила его и тоже уговаривала бѣжать скорѣе отсюда, говоря: «чего ждешь, княже, уѣзжай, а то наживешь соромъ». Но Андрей не былъ трусомъ; онъ остался, не двинувшись съ мѣста до утра, и увидавши, что Половцы всѣ разбѣжались, отступилъ къ Дубно и затѣмъ снова отправился къ Луцку. Приближаясь къ этому городу, онъ увидѣлъ, что осажденные сдѣлали вылазку и рѣшилъ ударить на Лучанъ и отрѣзать ихъ отъ города. Братья не подозрѣвали его намѣренія и отстали отъ него, такъ-какъ онъ даже не велѣлъ развернуть своего знамени «не величаву бо ему сущу на ратный чинъ, но похвалы ищущу отъ Бога», какъ замѣчаетъ лѣтописецъ. Стремительно бросился онъ съ небольшою дружиною на непріятельскую пѣхоту и въ первомъ-же натискѣ изломалъ копье свое. Испуганные Лучане побѣжали назадъ въ городъ по греблѣ. Андрей съ жаромъ началъ преслѣдовать бѣгущихъ, далеко опередилъ свою дружину и не замѣтилъ въ увлеченіи, какъ очутился одинъ и былъ немедленно окруженъ непріятельской толпой. Со стѣнъ городскихъ на него посыпался градъ камней и стрѣлъ, конь его уже былъ раненъ двумя ударами копья, а какой-то нѣмчинъ едва не поразилъ его са-

мого рогатиной. Тутъ только опомнился Андрей и, видя свою неминуемую гибель, подумалъ: «вотъ ожидаетъ меня смерть Ярополча, но вспомнивъ, что въ этотъ день празднуется память священномученика Ѳеодора Стратилата, мысленно обратился съ горячею молитвою къ Святому, затѣмъ выхватилъ мечъ и оборонился отъ удара рогатины. Все это произошло въ одно мгновеніе. Одинъ изъ дѣтскихъ князя, поспѣшившихъ къ нему, былъ убитъ на его глазахъ. Но «Богъ,—замѣчаетъ лѣтописецъ по этому поводу,—подвергая опасности любящихъ Его, Самъ же избавляетъ ихъ отъ нея». Андрей остался цѣлъ и невредимъ: онъ какъ-то ловко успѣлъ поворотить коня, и тотъ, весь истекая кровью, вынесъ его изъ толпы враговъ; домчавъ до стана, вѣрный конь палъ мертвый на землю. Отецъ Андрея Юрій и дядя Вячеславъ и братья, бывшіе съ нимъ и видѣвшіе всю эту битву, были внѣ себя отъ радости. Юрій со слезами на глазахъ обнималъ своего любимаго сына, такъ чудесно спасеннаго отъ явной гибели, а дружина и «мужи отчи» громко прославляли Андрея за его подвигъ «зане мужески сътвори паче всѣхъ бывшихъ ту», говоритъ лѣтописецъ. Андрей не забылъ и вѣрнаго коня своего: онъ торжественно похоронилъ его на берегу р. Стыря и насыпалъ надъ нимъ высокій могильный холмъ [1]).

Поражая всѣхъ своей беззавѣтной храбростью, Андрей вмѣстѣ съ тѣмъ удивлялъ всѣхъ и своимъ великодушіемъ и миролюбіемъ. Такъ, когда Изяславъ, противникъ Юрія, послѣ шестинедѣльной осады Луцка началъ просить мира, Андрей первый и больше всѣхъ старался примирить его

[1]) Холмъ этотъ около г. Луцка указываютъ и доселѣ. Въ недалекомъ прошломъ здѣсь находился монастырь Доминиканцевъ. См. «Волынь» изд. Батюшкова, стр. 40.

съ отцемъ, не смотря на то, что его братъ Ростиславъ, лично оскорбленный Изяславомъ, и особенно Юрій Ярославичъ всячески побуждали Юрія къ войнѣ. «Отче, господине,—говорилъ Андрей отцу своему,—милостивый на свой родъ и на вся христіаны, помяни слова Писанія: «се коль добро и красно, еже жити братіи вкупѣ». Не слушай Ярославича, примири къ себѣ сыновця (т.-е. племянника), не губи своей отчины. Миръ стоитъ до рати и рать стоитъ до мира». И онъ добился того, что отецъ его Юрій дѣйствительно послушалъ его и заключилъ миръ съ Изяславомъ. Эта черта—быстро отрезвляться отъ воинскаго опьяненія ратными успѣхами, овладѣвать собой и являться устроителемъ мира—была слишкомъ необычна въ тогдашнихъ князьяхъ,—эта черта была свойственна исключительно только Андрею. Онъ, при всей своей личной беззавѣтной храбрости, не любитъ войны, онъ считаетъ ее лишь неизбѣжнымъ зломъ, неизбѣжнымъ средствомъ возстановить попранныя чьи-либо права,—но разъ онъ пришелъ къ убѣжденію, что кровопролитіемъ этой цѣли достигнуть трудно или невозможно, онъ спокойно прекращаетъ войну и первый, не смотря ни на что, заключаетъ миръ [1]). Такъ и послѣ того, когда миръ, заключенный, благодаря его стараніямъ, между Изяславомъ и Юріемъ Долгорукимъ, снова былъ нарушенъ, Андрей, бывшій тогда княземъ въ Пересопницѣ, все-таки хлопочетъ снова

[1]) Замѣчательно, что Андрей Б. послѣ этихъ походовъ на югѣ, послѣ этихъ сраженій, веденныхъ по приказанію отца, сдѣлавшись самостоятельнымъ великимъ княземъ впослѣдствіи не принимаетъ лично участія въ битвахъ до конца своей жизни, и мы видимъ его въ походѣ лишь противъ Камскихъ Болгаръ въ 1164 г., война съ которыми, какъ съ невѣрными, считалась дѣломъ богоугоднымъ.

за Изяслава предъ отцемъ своимъ, не смотря на то, что Изяславъ вѣроломно выгналъ Юрія изъ Кіева и захватилъ его владѣнія, и проситъ у отца волости Изяславу по м. Горынь въ южной Руси.

Андрей по истинѣ «не величавъ былъ на ратный чинъ», не гнался за ратной славой и нисколько не цѣнилъ своихъ изумительныхъ подвиговъ храбрости. Такъ, послѣ битвы съ Изяславомъ подъ Кіевомъ и на Перепѣтовомъ полѣ, гдѣ онъ по обычаю своему былъ всегда впереди и подвергался всевозможнымъ опасностямъ, Андрей не гордится своими личными успѣхами, не хочетъ поставить на своемъ и, видя силы противника и не желая продолжать кровопролитія, уговариваетъ отца своего отступиться отъ Кіева, оставить его до поры-до времени: «нечего намъ здѣсь, батюшка, дѣлать,—говоритъ онъ,—уйдемъ-ко отсюда затемно». И въ то время, какъ Юрій плачетъ горькими слезами, не желая разстаться съ дорогимъ для него Кіевомъ, Андрей, равнодушный и къ своей ратной славѣ и ко всему югу, спокойно удаляется въ свой родной Владиміръ Залѣсскій. Эта черта, присущая характеру Андрея—храбрость, соединенная съ великодушіемъ и самообладаніемъ, дѣлаетъ особенно привлекательною личность Боголюбскаго.

Наконецъ эта тяжелая и изнурительная для южной Руси борьба Юрія Долгорукаго съ Изяславомъ изъ-за великаго княженія Кіевскаго, столько времени продолжавшаяся, окончилась въ 1155 году торжествомъ Юрія. Мечта всей его жизни исполнилась: соперникъ его Изяславъ и братъ Вячеславъ умерли одинъ за другимъ, и Юрій по праву старшинства дѣлается великимъ княземъ Кіевскимъ. Наученный горькимъ опытомъ, какъ недоста-

точно полагаться на одни родовыя права, Юрій Долгорукій окружаетъ себя своими сыновьями, раздавши имъ окрестные удѣлы, и ближе всѣхъ къ себѣ, какъ сказано выше, помѣщаетъ талантливѣйшаго и храбрѣйшаго сына Андрея, сдѣлавши его княземъ въ Вышгородѣ, отстоящемъ въ десяти верстахъ отъ Кіева. Заключивши по возможности со всѣми миръ и далеко не удовлетворивъ всѣхъ своихъ родичей, Юрій всецѣло предался шумной и веселой жизни въ Кіевѣ. Пиры и попойки смѣнялись одни другими, а съ ними неразлучны были и безчинства его дружины. [1])

Между тѣмъ усобицамъ не видѣлось конца. Племянники и внуки (Мстиславичи) были недовольны своими удѣлами и затѣвали смуты. Половцы, оказывавшіе помощь Юрію во все время домогательствъ великаго княженія, теперь хозяйничали на Руси, дѣлали постоянные набѣги, безнаказанно грабили и уводили въ плѣнъ жителей; дружинники же Юрія (Суздальцы) не только не защищали мѣстное населеніе отъ кочевниковъ, но и сами дозволяли себѣ чинить всякаго рода притѣсненія. Юрій въ короткое время возбудилъ всеобщую на югѣ ненависть къ себѣ.

Андрей, живя близъ Кіева, все это видѣлъ и сильно тяготился всѣмъ этимъ. Не любя ни пировъ, ни разгула[2]), и не входя ни съ кѣмъ въ дружбу, такъ-какъ нельзя было довѣряться никому на югѣ, онъ одиноко проводилъ все время въ Вышгородѣ, въ кругу своей семьи, къ

[1]) О любви Юрія къ пирамъ, кромѣ Татищева, свидѣтельствуетъ и Никоновская лѣтопись. (См. П. С. Л. IX т., 208 стр.).

[2]) «Не омрачи бо ума своего пьянствомъ»,—говоритъ лѣтописецъ.

которой принадлежали и братья его жены—Кучковичи, и тосковалъ по своей родинѣ. Оторванный волею отца отъ мирной, плодотворной колонизаторской дѣятельности на сѣверѣ, онъ тяготился своимъ вынужденнымъ бездѣйствіемъ. Все здѣсь на югѣ не нравилось ему: и эта полная беззащитность мѣстнаго населенія, и своеволіе и безчинство княжеской дружины, и постоянныя распри соперничающихъ между собою южнорусскихъ князей. Все, что онъ видѣлъ на югѣ, было противоположно тому, къ чему онъ привыкъ на сѣверѣ. Въ то время, какъ на сѣверѣ Андрей пользовался всеобщею любовью за свою мирную плодотворную дѣятельность, которую цѣнило по достоинству и коренное населеніе, и въ особенности пришлое,—здѣсь, на югѣ, южно-русское населеніе, измученное безпрерывными усобицами князей, постоянно добивавшихся Кіева, ненавидѣло ихъ и въ особенности Юрія, вообще не симпатичнаго по своему характеру,—и эту ненависть переносило и на его дружину, и на его дѣтей, и въ числѣ ихъ на неповиннаго Андрея.

Не могъ примириться онъ и съ тѣмъ, что власть князя на югѣ совершенно уничтожалась предъ силою дружинниковъ и бояръ княжескихъ, что князь безсиленъ здѣсь на югѣ даже сдѣлать доброе дѣло—защитить, напримѣръ, населеніе княжества отъ злоупотребленій дружинниковъ, которые, пользуясь своей силой, дозволяли себѣ всевозможныя безчинства. Андрей, опираясь на уваженіе къ нему всего населенія Ростовско-Суздальской земли, привыкъ чувствовать себя тамъ полноправнымъ хозяиномъ. Сознаніе того, что благополучіе и порядокъ въ родной землѣ, для которой онъ столько трудился, созданы имъ самимъ, что онъ главный виновникъ благосостоянія род-

наго края, невольно возвышало въ глазахъ его достоинство князя, какъ главы княжества; сравненіе же этой мирной, благоустроенной жизни сѣвернаго населенія, чувствовавшаго надъ собою заботливую и властную руку своего князя, съ бѣдствіями и нестроеніями на югѣ, болѣе и болѣе убѣждало его въ важномъ значеніи сильной княжеской власти, ослабленіе и раздѣленіе которой на югѣ отзывалось такими гибельными послѣдствіями для южнорусскаго населенія. При своемъ геніальномъ умѣ Андрей понималъ, что Русь, терзаемая княжескими усобицами и вслѣдствіе того страдающая отъ нападеній степныхъ кочевниковъ, не можетъ окрѣпнуть на югѣ. Онъ хорошо понималъ и причину этой слабости Руси,—причину, коренившуюся главнымъ образомъ въ безначаліи, въ отсутствіи единой сильной власти, которая была здѣсь раздроблена между множествомъ мелкихъ князей и дружинниковъ, не умѣвшихъ соглашать своихъ выгодъ съ интересами государственными. Укрѣпленію въ немъ этого убѣжденія въ необходимости, для благосостоянія Руси, единой сильной власти содѣйствовали и лучшіе совѣтники Андрея, греки—свящ. Никулица и зять его дьяконъ Несторъ, съ которыми Андрей, привыкшій съ дѣтства уважать священническій и иноческій чинъ, въ особенности сошелся, живя въ Вышгородѣ, и которые, какъ люди образованные, воспитанные въ идеяхъ монархизма, также видѣли причину слабости Руси въ отсутствіи единодержавія. И здѣсь-то, въ тѣсномъ семейномъ кругу, Андрей составилъ планъ своихъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Не находя возможнымъ при наличныхъ условіяхъ жизни въ южной Руси создать въ ней сильную княжескую власть, онъ рѣшилъ на время оставить югъ, удалиться на сѣверъ и тамъ основать государственную жизнь совсѣмъ на другихъ началахъ. Въ

первый-же годъ своего пребыванія въ Вышгородѣ онъ началъ проситься у отца своего на сѣверъ; но Юрій и не думалъ отпускать отъ себя такого важнаго помощника, не безъ основанія опасаясь мести за дѣйствія своей дружины.[1]) Тогда Андрей, безъ позволенія отца, захвативъ чудотворную икону Божіей Матери изъ Вышгородскаго женскаго монастыря, написанную по преданію св. евангелистомъ Лукою и принесенную нѣкогда изъ Греціи, отправился съ семействомъ своимъ, приближенными своими боярами Кучковичами, священникомъ Никулицею и зятемъ его діакономъ Несторомъ, на сѣверъ[2]). Андрей понималъ всю важность дѣлаемаго шага и прибѣгнулъ къ покрову высшей, небесной помощи, ввѣривъ себя водительству Божіей Матери, чудотворную икону Коей онъ отнынѣ имѣлъ всегда съ собою во всѣхъ важныхъ предпріятіяхъ своей жизни; и эта икона стала затѣмъ главной святыней всей сѣверной Руси. Благочестивое преданіе, записанное позднѣйшими лѣтописцами, сообщаетъ, что благодать Божія была съ нимъ. Едва путники вступили въ южные предѣлы Ростовско-Суздальскаго княжества, какъ отъ иконы Божіей Матери начали совершаться чудеса. Въ предѣлахъ Москвы, тогда

[1]) Ненависть къ Юрію и Суздальцамъ со стороны Кіевлянъ выразилась послѣ смерти Юрія. Кіевляне убивали Суздальцевъ грабили ихъ и приговаривали: «вы намъ не друзья, а вороги».

[2]) Никоновская лѣтопись такъ излагаетъ причины, заставившія Андрея удалиться на сѣверъ: «князь Андрей Боголюбивый смущашеся о нестроеніи братіи своея и братаниковъ и сродниковъ и всего племени своего, яко всегда въ мятежи и волненіи вси бяху и многи крови лияше,—скорбяше о семъ... и восхотѣ ити на великокняжение въ Суздаль и Ростовъ, яко тамъ рече спокойнѣе есть. (Ник. II, 150).

Карамзинъ приводитъ извѣстіе изъ позднѣйшихъ лѣтописей объ участіи въ удаленіи Андрея на сѣверъ Кучковичей; «его же лестію подъяша Кучковичи». (Кар. III т. пр. 383-е).

еще совсѣмъ юнаго городка, по молитвѣ предъ этою иконою князя, былъ чудесно спасенъ отъ потопленія въ р. Яузѣ одинъ изъ его слугъ; затѣмъ на Рогожскихъ поляхъ конь сбилъ жену свящ. Никулицы и затопталъ ее ногами, но по молитвѣ предъ иконою пострадавшая осталась невредимою. Наконецъ въ 10-ти верстахъ отъ гор. Владиміра [1]) совершилось новое чудо. «Когда Андрей былъ уже на берегахъ рѣки Клязьмы,—говоритъ списатель житія его,—кони, везшіе чудотворную икону Богоматери, вдругъ остановились и не могли сдвинуть съ мѣста колесницы, какъ бы отъ чрезмѣрной тяжести. Нѣсколько разъ перемѣняли коней, но никакая сила не могла сдвинуть икону. Благовѣрный князь Андрей счелъ это за тайное извѣщеніе Божіе, совершилъ здѣсь молебствіе предъ чудотворной иконой и далъ обѣтъ соорудить тутъ церковь. Настала ночь. Князь велѣлъ раскинуть шатеръ и рѣшилъ здѣсь переночевать. Онъ долго молился,—и вотъ во время сна явилась ему Пресв. Дѣва съ хартіею въ рукѣ и сказала: «не хочу, чтобы ты несъ образъ мой въ Ростовъ. Поставь его во Владимірѣ, а на семъ мѣстѣ воздвигни церковь каменную во имя Рождества Моего и устрой обитель инокамъ». Возставъ отъ сна, благов. князь возблагодарилъ Спасителя и Пресвятую Матерь Его, открывшихъ ему свою волю, и повелѣлъ написать икону Божіей Матери въ томъ видѣ, какъ она явилась ему съ хартіею въ рукѣ. Вно-

[1]) Мѣстные историки Дмитревскій, Доброхотовъ и К. Тихоправовъ много думали надъ рѣшеніемъ вопроса, какимъ путемъ шелъ съ юга на сѣверъ князь Андрей отъ Москвы: черезъ Суздаль во Владиміръ, или черезъ Владиміръ въ Ростовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Андрей шелъ прямо во Владиміръ, который былъ его роднымъ городомъ и шелъ старой дорогой черезъ Москву изъ Суздали, какъ обстоятельно доказываетъ Тихоправовъ. (См. Владим. сборникъ 1857 г.).

слѣдствіи онъ исполнилъ завѣтъ Богоматери, построилъ церковь и основалъ монастырь на мѣстѣ явленія Ея, который и доселѣ существуетъ и называется Боголюбовымъ. Это мѣсто сдѣлалось любимымъ у Боголюбскаго. Андрей вскорѣ же построилъ тутъ и городъ и прозвалъ его, какъ мѣсто избранное самимъ Богомъ, Боголюбимымъ, Боголюбовымъ, и самъ отсюда получилъ названіе Боголюбскаго. Городъ этотъ и по мѣстоположенію на высокомъ берегу рѣки Клязьмы, и разстояніемъ отъ Владиміра во всемъ напоминалъ только-что оставленный имъ гор. Вышгородъ, находившійся также на высокомъ берегу рѣки Днѣпра и на такомъ-же разстояніи отъ Кіева, какъ Боголюбовъ отъ Владиміра. Построеніемъ его Андрей Боголюбскій началъ вновь, послѣ долгаго перерыва, свою созидательную дѣятельность на сѣверѣ. [1])

IV.

Въ 1157 году 15-го мая великій князь Кіевскій, Юрій Долгорукій, внезапно умеръ, послѣ веселаго пира у какого-то кіевлянина Петрила, «поболѣвъ мало». Въ это время Андрей Боголюбскій былъ въ самомъ расцвѣтѣ мужества: ему было тогда 46—47 лѣтъ. Онъ былъ невеликъ ростомъ, по словамъ Татищева, но «широкъ и силенъ вельми»; черные кудрявые волосы, высокій лобъ, большіе свѣтлые глаза—дѣлали его физіономію чрезвычайно выразительною; на ней лежала печать геніальнаго ума, сильной воли и непреклоннаго характера. «Мужество и умъ въ немъ жили, правда и истина въ немъ ходили;

[1]) Остатки этого города сохраняются доселѣ въ видѣ валовъ, окружающихъ теперешній Боголюбовъ монастырь, построенный на мѣстѣ древняго города.

вторымъ мудрымъ Соломономъ былъ онъ»,—говоритъ съ восторгомъ о немъ современникъ-лѣтописецъ.

При этомъ князь Андрей привлекалъ къ себѣ всѣхъ ласковымъ «милостивымъ» обращеніемъ со всѣми «сущими подъ нимъ». Онъ, по словамъ того же современника-лѣтописца, «всякому чину яко возлюбленный бяше отецъ», и въ особенности «отверзъ ему Господь очи сердечныя на весь церковный чинъ». Глубоко религіозный, богомольный, усердный къ церкви, Андрей имѣлъ слѣдующій «обычай добронравный: ночью,—говоритъ о немъ современникъ-лѣтописецъ,—входилъ онъ въ церковь, самъ зажигалъ свѣчи и, видя образъ Божій, написанный на иконахъ, взиралъ какъ на самого Творца и видя всѣхъ Святыхъ, написанныхъ на иконахъ, смирялъ образъ свой съ сокрушеннымъ сердцемъ, испускалъ вздохи отъ глубины души, слезы лились у него изъ глазъ, покаяніе Давидово онъ принималъ, оплакивалъ свои грѣхи, нетлѣнное предпочиталъ тлѣнному, небесное—временному и царство со святыми у Бога Вседержителя мимолетному этому царству земному» [1]). Рѣзко выдѣляясь этими качествами между всѣми тогдашними князьями, бл. князь Андрей болѣе всего отличался любовію къ нищимъ и убогимъ. Нищелюбіемъ онъ напоминалъ своего святаго прадѣда, благовѣрнаго князя Владиміра, просвѣтителя Руси. Андрей съ любовію принималъ всякаго приходящаго къ нему бѣдняка и давалъ ему милостыню, говоря: «се есть Христосъ, пришедый искусить меня» и, подобно святому прадѣду своему, бывши, по свидѣтельству лѣтописца «для всѣхъ кормильцемъ, разсылалъ брашно свое и медъ на возахъ по улицамъ и по затворамъ» [2]). Любимый всѣми за эти

[1]) Ипат. лѣт. подъ 1175 г. въ рус. переводѣ А. Клеванова.
[2]) П. С. Л. Т. I стр. 156.

личныя его качества и за его плодотворную колонизаторскую дѣятельность, Андрей, послѣ смерти отца своего, немедленно былъ избранъ единодушно всей Ростовско-Суздальской землей въ князья, вопреки завѣщанію князя Юрія, отдававшаго этотъ удѣлъ младшимъ сыновьямъ своимъ[1]). «Ростовци и Суздальци, *сдумавше вси*, поняша Андрея, сына Юрія старѣйшаго, и посадиша и въ Ростовѣ, на отнѣ [2]) столѣ, и Суждали, занеже *бѣ любимъ всѣми* за премногую его добродѣтель, юже имяше преже къ Богу и ко всѣмъ сущимъ подъ нимъ»[3]). Такъ сообщаетъ лѣтописецъ о восшествіи Андрея Боголюбскаго, какъ одного изъ старѣйшихъ въ родѣ, на родительскій великокняжескій столъ не въ Кіевѣ, а въ Ростовско-Суздальской землѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что дружинники и бояре Ростовскіе и Суздальскіе при этомъ выборѣ княземъ Андрея руководились также и личными выгодами. Они надѣялись, что Андрей, избранный ими, наградитъ ихъ, раздавши имъ для кормленія богатыя волости въ Ростовско-Суздальской землѣ, въ процвѣтаніи и обогащеніи которой подъ его управленіемъ они не сомнѣвались, зная мудрость, энергію и способности Боголюбскаго. По обычаю того времени актъ избранія князя землей укрѣплялся и освящался церковью: новоизбранный князь въ соборной церкви главнаго города княжества садился на «отній» столъ послѣ нарочитой молитвы епископа и клира, а народъ цѣловалъ крестъ въ знакъ вѣрноподданства этому князю,—и съ этого времени князь считался законно вокняжившимся «на столѣ

[1]) Юрій считалъ этотъ удѣлъ слишкомъ незначительнымъ и бѣднымъ, чтобы предоставить его Андрею, имѣвшему право на великокняжескій столъ.

[2]) Т.-е. на отчемъ.

[3]) П. С. Л. Т. I стр. 149.

отца и дѣда своего»[1]). Затѣмъ этотъ городъ считался резиденціей князя: здѣсь князь жилъ въ особомъ дворцѣ, здѣсь судилъ и рядилъ свою землю, здѣсь съ боярами и дружинниками совѣтовался о всѣхъ дѣлахъ своихъ. Этотъ актъ «вокняженія и посаженія на столъ» совершенъ былъ въ Ростовѣ, какъ старѣйшемъ городѣ княжества, и надъ Андреемъ, о чемъ и сообщаетъ выше лѣтописецъ. Но новоизбранный князь, вопреки обычаю, послѣ своего вокняженія тотчасъ-же уѣхалъ въ свой излюбленный городъ Владиміръ и не остался на жительство ни въ Ростовѣ, ни въ Суздалѣ, гдѣ жилъ его отецъ. Этотъ поступокъ былъ первымъ и важнымъ шагомъ въ строго обдуманной политикѣ Андрея Боголюбскаго, конечной цѣлью которой было созданіе единой сильной власти на сѣверѣ. Для достиженія этой цѣли и составленъ былъ геніальный планъ, надъ осуществленіемъ котораго Андрей Боголюбскій трудился во всю свою жизнь, не останавливаясь ни передъ какими мѣрами и, наконецъ, павши въ борьбѣ съ врагами этой идеи.

Перенесеніе княжескаго стола изъ Ростова и Суздаля является для Боголюбскаго дѣломъ первой необходимости. Выше было сказано, что главными поселенцами въ Ростовѣ были богатые вольные выходцы изъ Новгорода, образовавшіе изъ себя довольно сильный классъ земскихъ бояръ. Эти сильные бояре, составлявшіе промышленную аристократію, привыкшіе ставить ни во что власть князя, котораго они избирали «на всей своей волѣ» и который являлся по ихъ понятіямъ только исполнителемъ «ихъ боярской воли», должны были явиться въ Ростовѣ главными противниками князя при всякомъ самостоятельномъ шагѣ его, при всякомъ его начинаніи. Андрей видѣлъ,

[1]) Исторія Россіи Соловьева. Т. III стр. 4.

что еще отецъ его Юрій долженъ былъ выдержать упорную борьбу съ этими сильными, своевольными земцами, которые, «возгордѣвшись зѣло», по словамъ народнаго преданія, «не воздавали ему чести» и для усмиренія которыхъ онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ крутымъ мѣрамъ, что и заставило его подъ конецъ жизни переселиться въ другой городъ—Суздаль. Привычка къ своеволію этихъ бояръ была тѣмъ болѣе сильна, что первые князья Ростовско-Суздальскіе, вплоть до Юрія Долгорукаго, почти не жили въ отдаленномъ Ростовско-Суздальскомъ княжествѣ, ограничиваясь лишь сборомъ дани чрезъ своихъ намѣстниковъ, въ родѣ Яна Вышатича. По той-же причинѣ и Суздаль являлся городомъ неудобнымъ для поселенія въ немъ Боголюбскаго. Насколько въ Ростовѣ былъ силенъ элементъ земскихъ бояръ «своеземцевъ, который являлся бы тамъ ограничивающимъ власть князя, настолько въ Суздалѣ сильна была дружина княжеская, «передніе мужи отца его», Юрія, какъ называетъ ихъ лѣтописецъ, которая сосредоточена была въ Суздалѣ, мѣстѣ жительства князя Юрія, и у которой Юрій былъ въ значительной зависимости. Долго добиваясь стола великокняжескаго, ведя постоянныя войны на югѣ, Юрій нуждался въ дружинѣ, долженъ былъ постоянно заискивать въ ней, мирволить ей, а поэтому умалять и унижать власть князя и ставить ее въ зависимость отъ дружины. Судя по дѣйствіямъ Суздальцевъ, дружинниковъ Юрія, на югѣ и особенно въ Кіевѣ, возбудившимъ сильную ненависть къ себѣ всѣхъ Кіевлянъ, мы можемъ видѣть, что дружина великокняжеская на самомъ дѣлѣ была слишкомъ вольна, дѣлала все, что хотѣла, и ничуть не боялась князя. Не даромъ Кіевляне перебили и разграбили многихъ изъ этихъ Суздальцевъ-дружинниковъ послѣ смерти Юрія,

приговаривая: «Вы насъ грабили и раззоряли, женъ и дочерей нашихъ насильствовали, нѣсть намъ братія, но непріятели» [1]).

Такимъ образомъ, какъ въ Ростовѣ, такъ и въ Суздалѣ, власть князя была слишкомъ слаба. Между тѣмъ Владиміръ на Клязьмѣ былъ вполнѣ преданнымъ кн. Андрею городомъ: онъ находился подъ обаяніемъ самой личности Андрея, обязанъ былъ ему своимъ развитіемъ и расширеніемъ; наконецъ, въ немъ совсѣмъ не было, на первыхъ порахъ, враждебныхъ политическимъ планамъ Андрея элементовъ, въ родѣ своеземцевъ бояръ Ростовскихъ и дружинниковъ-Суздальцевъ. Населеніе Владиміра, какъ города новаго, было изъ людей «мизинныхъ», какъ мѣтко называетъ ихъ лѣтописецъ, т.-е., людей маленькихъ, незнатныхъ, «сходцевъ» разнаго рода, между которыми главную массу составляли безъ сомнѣнія низшіе классы южнорусскаго сельскаго и городскаго (посадскаго) населенія, недовольные южными порядками, южными усобицами, и переселявшіеся сюда или сами ради спокойствія, или по приглашенію Андрея въ то еще время, когда онъ пребывалъ на югѣ, помогая отцу въ борьбѣ за Кіевъ. Ласковый къ «людямъ всякаго чина аки отецъ», Андрей Боголюбскій привлекалъ къ себѣ переселенцевъ отовсюду и въ особенности съ юга, которыхъ и поселялъ у себя во Владимірѣ. Что южноруссовъ во Владимірѣ было много, указываютъ названія рѣкъ, рѣчекъ и урочищъ во Владимірѣ Кіевскими именами—Лыбеди, Рпени, Почайны, которыя общи и Кіеву, и Владиміру. Это сходство объясняется обычаемъ всѣхъ переселенцевъ на свѣтѣ давать новымъ мѣстамъ поселенія старыя названія тѣхъ мѣстностей, гдѣ они жили раньше.

[1]) Татищевъ. Исторія Р. Т. III стр. 103.

Перенося во Владиміръ свой княжескій столъ, князь Андрей разсчитывалъ, что Владимірцамъ будетъ пріятно это возвышеніе ихъ пригорода на степень главнаго города не только Ростовско-Суздальскаго княжества, но и всей сѣверной Руси, какъ думалъ объ этомъ Боголюбскій,— что онъ не только не встрѣтитъ во Владимірцахъ противодѣйствія при исполненіи дальнѣйшихъ своихъ плановъ для усиленія великокняжеской власти, но что они, напротивъ, окажутся преданными исполнителями его воли. И этотъ разсчетъ оказался вѣренъ: Владимірцы, не знавшіе вѣчевого порядка управленія и терпѣвшіе ранѣе отъ высшихъ классовъ, земскихъ бояръ и дружинниковъ, разнаго рода притѣсненія, оказались преданными Боголюбскому.

Князь Андрей дѣятельно началъ отстраивать свою новую столицу, по мѣстоположенію своему во многомъ напоминавшую Кіевъ, расположенную на высокомъ берегу рѣки Клязьмы при впаденіи въ нее двухъ рѣчекъ—Рпени и Лыбеди. Насыпаны были новые валы, на этихъ валахъ были выстроены дубовыя стѣны, опоясывавшія городъ со всѣхъ сторонъ, и самый городъ былъ значительно расширенъ. Построено было нѣсколько каменныхъ храмовъ, дворецъ княжескій и нѣсколько воротъ между валами [1]), ведущихъ въ городъ съ разныхъ сторонъ. Съ западной стороны были построены золотыя ворота, съ восточной—серебряныя, съ сѣверной—мѣдныя и «оринины», съ южной волжскія [2]).

[1]) Остатки валовъ Боголюбскаго до сихъ поръ существуютъ въ городѣ, хотя во многихъ мѣстахъ перерыты, и показываютъ, что городъ по тому времени былъ довольно значительный.

[2]) Изъ этихъ воротъ сохранились только золотыя, и то уже далеко не въ прежнемъ видѣ.

Это перенесеніе стола княжескаго изъ Ростова во Владиміръ и возвышеніе послѣдняго сильно не понравилось старымъ городамъ—Ростову и Суздалю. Высшіе классы населенія этихъ городовъ—земскіе бояре и дружинники князя Юрія, тотчасъ-же выразили свое неудовольствіе противъ такого рѣшительнаго шага Боголюбскаго. Они начали возбуждать противъ него младшихъ братьевъ его, племянниковъ его и мачиху, вторую жену Юрія—гречанку, и это глухое сначала неудовольствіе грозило уже перейти въ открытую смуту; но сильный характеромъ и рѣшительный Андрей разомъ уничтожилъ въ самомъ началѣ эту смуту и противодѣйствіе своимъ планамъ.

Опираясь на преданное ему посадское населеніе городовъ, которое вездѣ, какъ на югѣ, такъ и здѣсь на сѣверѣ, было враждебно боярамъ и дружинникамъ, и особенно на Владимірцевъ, онъ властно выслалъ изъ своей земли родственниковъ своихъ и этихъ «переднихъ мужей» отца своего съ ними. Этою рѣшительною мѣрою онъ обезпечилъ долгій миръ и тишину своей землѣ, столь необходимые тогда для зачинавшейся здѣсь сѣверной могучей Руси.

И среди этой тишины снова началась кипучая плодотворная работа, направленная главнымъ работникомъ, великимъ княземъ Андреемъ, къ тому, чтобы собрать здѣсь на сѣверѣ всѣ русскія силы, приливавшія сюда съ безпокойнаго и разореннаго юга. Андрей, какъ добрый хозяинъ своей отчины, привлекая въ свои владѣнія переселенцевъ, самъ-же помогалъ имъ и устраиваться на сѣверномъ новосельи: подъ его мудрымъ управленіемъ на сѣверѣ расчищались лѣса, засѣвалась хлѣбомъ дѣвственная

почва, развивались ремесла и процвѣтала торговля. Работы было много, и работы плодотворной[1]).

Но, кромѣ того, заботливому и неутомимому князю Андрею предстояла еще труднѣйшая задача—объединить всѣхъ разноплеменныхъ и разнохарактерныхъ «сходцевъ» и туземцевъ въ одно цѣлое, въ одну новую народность, въ одну могучую Русь, которая чувствовала бы свое единство, считала бы себя однимъ народомъ. Задача поистинѣ трудная! Нужно было найти такое связующее начало, которое могло бы объединить, сплотить всѣхъ воедино. Для всякаго другого князя эта задача оказалась бы въ то время непосильною; но благовѣрному и глубоко вѣрующему князю Андрею не приходилось много и задумываться надъ этой задачей: рѣшеніе ея уже было готово для него въ его глубокой преданности св. Церкви православной и въ живой ревности его о распространеніи вѣры Христовой. Единая святая вѣра православная, которую великій князь Андрей старался утвердить и распространить въ своемъ княжествѣ со всею ревностію глубоко убѣжденнаго христіанина, и послужила главнымъ, самымъ надежнымъ и прочнымъ, объединительнымъ началомъ для всего населенія сѣверной Руси.

Христіанство въ Ростовско-Суздальской землѣ вплоть до начала XII вѣка было слабо насаждено при первыхъ князьяхъ. Здѣсь едва начиналъ мерцать лучъ ученія Христова. При св. Владимірѣ и при Ярославѣ были крещены лишь дружинники князя и лица, составлявшія, такъ сказать, высшую администрацію; остальное же народонаселеніе

[1]) Самъ благ. кн. Андрей впослѣдствіи такъ говоритъ о своей неусыпной дѣятельности на сѣверѣ: «я Бѣлую (т.-е. сѣверную) Русь городами и селами застроилъ и многолюдною учинилъ».

области въ большинствѣ оставалось чисто языческимъ. Язычество въ сѣверной Руси было такъ сильно, что въ теченіе всего XI в. оно является здѣсь господствующимъ, и волхвы, представители язычества, чувствуютъ здѣсь такую силу, что неоднократно (1024 г., 1074 г., 1091 г.) волнуютъ народъ и вступаютъ въ борьбу съ христіанскимъ начальствомъ края, съ княжескимъ намѣстникомъ Яномъ Вышатичемъ, и лишь рѣшительныя дѣйствія этого находчиваго княжескаго слуги прекращаютъ мятежъ, который охватилъ-было всю Ростовско-Суздальскую землю. Изъ житія Ростовскихъ чудотворцевъ еп. Леонтія и Исаіи видно, что эти подвижники христіанства и просвѣтители св. вѣрою Ростовцевъ и Суздальцевъ, жившіе въ XI вѣкѣ, должны были выдержать долгую и упорную борьбу съ мѣстнымъ язычествомъ. Еп. Леонтій, не успѣвъ ничего сдѣлать со старыми язычниками, началъ дѣйствовать на дѣтей, уча молодое поколѣніе христіанскимъ истинамъ. Язычники, видя приверженность къ Леонтію дѣтей своихъ, устремились на святителя—одни съ оружіемъ, другіе съ дреколіемъ, чтобы изгнать его изъ города и убить его,—и только чудо спасаетъ епископа отъ неминуемой смерти[1]). Еп. Исаія, ходя съ проповѣдью по Ростовско-Суздальской землѣ, долженъ былъ вездѣ разбивать идоловъ[2]). Въ самомъ Владимірѣ при Боголюбскомъ горожане и окрестные поселяне сходились въ долинѣ Яриловой и совершали здѣсь языческія празднества.

---

[1]) Ростовцы и Суздальцы крещены были далеко не всѣ даже въ началѣ XIII в. Въ Ростовѣ цѣлый конецъ города—Чудскій былъ языческимъ во времена преподоб. чудотворца Ростовскаго Авраамія, жившаго не ранѣе XIII в.

[2]) См. Житіе. Прав. Соб. 1858 г.

Если въ городахъ въ это время было много язычниковъ, то христіанъ среди сельскаго населенія было чрезвычайно мало. Притомъ тогдашніе христіане, крестившіеся большею частію по примѣру или даже просто по приказу князя и дружины, оставались долго въ душѣ язычниками,— наравнѣ съ христіанскими праздниками совершали и языческіе обряды и въ разныхъ случаяхъ своей жизни, не избѣгая при нуждѣ священниковъ, съ большей охотой обращались къ волхвамъ, вѣдунамъ и языческимъ ворожеямъ. Нужно было окончательно произвести переворотъ въ народѣ въ пользу христіанства, показать неизмѣримое превосходство христіанства надъ язычествомъ. При слабомъ развитіи въ тѣ времена книжнаго просвѣщенія это было дѣломъ чрезвычайной трудности. Духовенство тогда, конечно, по мѣрѣ силъ и возможности, учило народъ истинамъ христіанской вѣры; но, какъ мы можемъ судить и въ настоящее время, религіозныя убѣжденія, усвоенныя съ дѣтства отъ родителей, не такъ-то легко мѣняются и тѣмъ болѣе въ то малопросвѣщенное время, когда мракъ язычества густо еще облегалъ русскую землю. Нужно было явственнѣе, понятнѣе, разительнѣе показать язычникамъ превосходство христіанской вѣры предъ язычествомъ, повліять, такъ сказать, непосредственно на впечатлѣнія язычника.

При начальномъ выборѣ славянами правой вѣры при св. Владимірѣ, средство убѣдиться, чья вѣра лучше, народная мудрость указала въ личномъ впечатлѣніи, какое получится отъ богослуженія и храмовъ у разныхъ народовъ, исповѣдующихъ ту или другую вѣру. При этомъ оказалось, что у православныхъ христіанъ такое величественное богослуженіе и совершается оно въ такихъ ве-

ликолѣпныхъ храмахъ, что язычники русскіе, стоявшіе въ Константинопольскомъ православномъ храмѣ за патріаршимъ богослуженіемъ, не знали, гдѣ они находятся, на небѣ, или на землѣ, и рѣшили безповоротно принять вѣру греческую. Зная такое могущественное и благотворное дѣйствіе христіанскихъ храмовъ и православнаго богослуженія на язычниковъ, благовѣрный князь Андрей Боголюбскій рѣшилъ сдѣлать все возможное, чтобы въ его княжествѣ христіанская православная вѣра окончательно восторжествовала надъ язычествомъ. Съ этою цѣлью онъ началъ строить обширные и великолѣпные храмы въ разныхъ городахъ своего обширнаго княжества, не щадя ни силъ, ни средствъ для этого. Лѣтописецъ сообщаетъ намъ, что въ теченіе лишь первыхъ шести лѣтъ своего княженія Андрей построилъ цѣлыхъ восемь каменныхъ храмовъ. Вотъ эти церкви:

1) Въ 1159 г. вел. князь Андрей построилъ церковь Рождества Пресв. Богородицы въ Боголюбовѣ [1]).

2) Въ 1158—60 г. Владимірскій Успенскій соборъ, украшенный стѣнописью въ 1161 г.[2]).

3) Въ 1162 г. (въ л. 6670) каменную церковь въ Ростовѣ [3]).

---

[1]) «Церковь преславну святыя Богородицы Рождества посредѣ города камену созда въ Боголюбовѣ и удиви ю паче всѣхъ церквей» (Ипат. л. подъ 1175 г.).

[2]) «Въ лѣто 6666 заложи Андрей князь церковь камену св. Богородицы въ Володимери.... объ единомъ версѣ». «Въ л. 6668 создана бысть церковь св. Богородицы.... и верхъ ея позлати» (П. С. Л. I, 149. IV, 10).

[3]) «Князь великій Ростовскій и Суздальскій Андрей повелѣ создати церковь камену св. Богородицы Успенія.... по времени совершиша церковь камену въ градѣ Ростовѣ» (П. С. Л. IX, 230). Въ 1204 г. церковь эта упала (Никонов. л. ч. II).

4) Въ 1164 г. выстроилъ и освятилъ церковь на Золотыхъ воротахъ во Владимірѣ [1]).

5) Въ 1164 г. «заложена церковь Спаса св. въ Володимерѣ» [2]).

6) Въ 1165 г.—церковь Покрова Пресв. Богородицы при устьѣ Нерли близъ Боголюбова [3]).

И кромѣ этихъ еще двѣ церкви въ Боголюбовѣ (теперь уже не существующія) во имя св. муч. Леонтія и Андрея Стратилата (см. Житіе).

Нѣтъ сомнѣнія, что лѣтописецъ пересчиталъ далеко не всѣ церкви, построенныя Андреемъ Боголюбскимъ въ Ростовско-Суздальской землѣ во все время его княженія здѣсь. Что церквей, построенныхъ Боголюбскимъ, было больше, объ этомъ свидѣтельствуетъ и тотъ фактъ, что въ пожаръ, бывшій въ 1185 г. во Владимірѣ, сгорѣло 32 церкви. Несомнѣнно, что многія изъ этихъ церквей построены Боголюбскимъ. Записывая построеніе не каждаго храма и въ первое время княженія Боголюбскаго, лѣтописецъ затѣмъ какъ-бы привыкаетъ къ этой непрерывной церковно-строительной дѣятельности великаго князя и говоритъ просто: «и многы (другія) церкы созда благовѣрный князь Андрей». Изъ построенныхъ

[1]) П. С. Л. I, 150. На мѣстѣ этой церкви построена новая въ XVIII ст.

[2]) Такъ сказано объ этой церкви въ Лаврентьевской лѣтописи (П. С. Л. I, 150); но въ другихъ говорится, что вел. князь Андрей только окончилъ церковь Спаса во Владимірѣ, заложенную отцемъ его, Юріемъ Владиміровичемъ (П. С. Л. т. IX, стр. 209). Существующая теперь Спасская церковь относится по своей архитектурѣ къ концу XV или началу XVI ст.

[3]) Лѣтоп. Боголюб. мон. Изд. Общ. ист. и древн. 1878 г. стр. 4. Житіе св. великаго князя Андрея Боголюбскаго.

церквей, не записанныхъ лѣтописью, можно напр. указать на церковь Ѳеодора Стратилата, построенную Боголюбскимъ еще въ первое пребываніе его во Владимірѣ, вскорѣ послѣ 1149 г., въ память чуднаго избавленія Андрея отъ гибели въ битвѣ подъ Луцкомъ по молитвамъ сего Святаго. Эта церковь, а затѣмъ и монастырь при ней, построены были въ предмѣстьѣ гор. Владиміра на холмѣ, среди, такъ называемой, Яриловой долины[1]).

Эта кипучая, непрерывная церковно-строительная дѣятельность Боголюбскаго всего лучше рисуетъ намъ силу и мощь характера этого князя, прозваннаго вторымъ Соломономъ за его умъ, строительную дѣятельность, за его богатство и щедрость.

Если въ настоящее время, при нынѣшнихъ путяхъ сообщенія, при обиліи прочнаго строительнаго матеріала, при многочисленности искусныхъ рабочихъ, построеніе болѣе или менѣе обширнаго храма требуетъ большихъ средствъ и усилій со стороны многихъ лицъ, а также и много времени, часто цѣлыя десятилѣтія, то какого же напряженія силъ и воли требовала эта непрерывная храмоздательная дѣятельность, сопровождавшая почти все княженіе Боголюбскаго! Онъ разомъ долженъ былъ слѣдить

[1]) Остатки этого храма въ видѣ фундамента были еще видны въ 50-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія; по крайней мѣрѣ ихъ видѣлъ извѣстный мѣстный владимірскій археологъ В. Доброхотовъ, авторъ прекраснаго сочиненія «Древній городъ Боголюбовъ», гдѣ онъ и говоритъ объ этихъ остаткахъ; но въ настоящее время и холмъ, (такъ называемая Ярилова плѣшь) и долина почти совсѣмъ распаханы, и отъ фундамента не осталось и слѣда. Жаль, что любители свящ. древностей не догадались поставить хотя небольшую часовню на мѣстѣ этого памятника борьбы христіанства съ язычествомъ во времена Боголюбскаго.

за одновременно производившимися постройками храмовъ въ разныхъ концахъ обширнаго княжества—и въ Ростовѣ, и въ Суздалѣ, и во Владимірѣ, и въ Боголюбовѣ, поспѣвать всюду самъ, руководить всѣми работами самолично. При отсутствіи въ Ростовско-Суздальской землѣ необходимаго для построенія бѣлаго камня, Боголюбскій долженъ былъ посылать за нимъ въ далекую и непріязненную Волжскую Болгарію и на судахъ по рѣкамъ Волгѣ, Клязьмѣ и Нерли перевозить всю эту громадную массу каменнаго матеріала, требовавшагося для построенія такого множества благолѣпныхъ и величественныхъ храмовъ. Онъ долженъ былъ сзывать мастеровъ для построенія и украшенія своихъ храмовъ «со всѣхъ земель», какъ говоритъ лѣтописецъ. И дѣйствительно, не щадя средствъ, ревностный въ святомъ дѣлѣ князь Андрей вызывалъ самыхъ лучшихъ мастеровъ: самыхъ лучшихъ каменьщиковъ, кровельщиковъ, иконописцевъ, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, скульпторовъ, вышивальщиковъ золотомъ и др.,[1]) посылая за ними и въ Византію, и въ западныя государства и, между прочимъ, въ Германію, для чего входилъ въ сношенія, по свидѣтельству Татищева[2]), съ германскимъ императоромъ Фридрихомъ I.

[1]) Каменьщиками и иконописцами у Боголюбскаго были, по всей вѣроятности, греки; но мастера золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ, финифтьщики были несомнѣнно съ запада. Металлическое мастерство процвѣтало въ то время въ Германіи (см. Аделунга. Корс. врата стр. 112); финифтяными же издѣліями славились города Кельнъ и Вердюнъ. Хранящіеся во Владимірскомъ Усп. соборѣ отъ временъ Боголюбскаго наплечники съ прекраснѣйшими изображеніями изъ эмали приписываются знатоками кельнскимъ и вердюнскимъ мастерамъ (Ю. Филимонова о западной эмали въ Россіи. Вѣст. Общ. древн. русскаго иск. 1875 г. кн. 4, стр. 25).

[2]) Татищевъ. Ист. Р. Т. III, стр. 3.

Благовѣрный князь Андрей, строя въ разныхъ мѣстахъ Ростовско-Суздальской земли величественные храмы, рѣшилъ построить въ своей столицѣ такой храмъ, «какихъ никогда не было на Руси—и никогда не будетъ», по словамъ изумленнаго лѣтописца. Ему нужно было построить такой величественный, настолько поразительный для язычниковъ по обширности и благоукрашенію храмъ, чтобы вся эта «погань», какъ называетъ лѣтописецъ язычниковъ, которыхъ было такъ много въ землѣ русской, была въ конецъ поражена этимъ величественнымъ селеніемъ славы Бога христіанскаго, смирилась бы предъ величіемъ этой славы и крестилась[1]). И дѣйствительно, соборный храмъ Успенія во Владимірѣ по своей архитектурной красотѣ, по своимъ поразительнымъ украшеніямъ совнѣ и внутри зданія, по своей драгоцѣнной утвари былъ созданіемъ во всей совокупности великолѣпнымъ. Сіяя снаружи и внутри обиліемъ золота и драгоцѣнныхъ украшеній, онъ представлялъ изъ себя «свѣтлость нѣкую зрѣти». Лѣтописецъ такъ описываетъ красоту этого замѣчательнаго храма: «Христолюбивый князь Андрей уподобися царю Соломону и доспѣ (въ Володимірѣ) церковь каменную соборную святыя Богородицы, пречудну вельми, и всѣми различными виды украси ю отъ злата и сребра.... верхъ бо златомъ устрои и комары позолоти, и поясъ (кругомъ церкви) златомъ устрои, каменьемъ усвѣти, и столпъ позлати изовну церкви, и по комаромъ же поткы (птицы) золоты, кубки и вѣтрила (флюгера) золотомъ устроена постави, по всей церкви и по комаромъ около, двери же церковныя троѣ золотомъ устрои; каменьемъ дорогимъ и жемчугомъ украси ю (т.-е. церковь) многоцѣннымъ и всякими узорочьи удиви ю, и

[1]) См. Ипат. лѣт. подъ 1174 г. Повѣсть объ убіеніи Андрея Боголюбскаго стр. 394.

многими поникандѣлы золотыми и серебряными просвѣти церковь, и онъбонъ (амвонъ) отъ злата и сребра устрои... и всими виды и устроеньемъ подобна быть удивленію Соломоновѣ святая святыхъ»[1]).

Въ этомъ великолѣпномъ храмѣ благ. князь Андрей поставилъ и главную святыню свою, ставшую отнынѣ святынею всей сѣверной Руси,—чудотворную икону Божіей Матери Владимірскую, привезенную изъ Вышгорода, на которую вел. князь сдѣлалъ великолѣпнѣйшую ризу, возложивъ на нее «30 гривенокъ и вящщи» чистаго золота, множество драгоцѣнныхъ камней и крупнаго жемчугу. Для того, чтобы соборный храмъ Успенія навсегда могъ блистать своимъ великолѣпіемъ, Андрей Боголюбскій отписалъ въ пользу собора десятину изъ всѣхъ своихъ княжескихъ доходовъ и цѣлый городъ Гороховецъ[2]).

Таковъ былъ дивный храмъ Успенія, достойный собою украсить юную столицу княжества Владимірскаго и всей Ростовско-Суздальской земли! Если Владимірскій Успен. соборъ и теперь, послѣ недавней реставраціи, которая и половины не возстановила того великолѣпія, наружнаго и внутренняго, коимъ обладалъ храмъ ранѣе, все-таки представляетъ изъ себя величественный храмъ, послужившій идеальнымъ образцомъ для цѣлаго ряда позднѣйшихъ русскихъ храмовъ Московской эпохи, и производитъ на всякаго сильное и неизгладимое впечатлѣніе, то каково же получалось впечатлѣніе у зрителя временъ Боголюбскаго, когда соборъ весь былъ залитъ золотомъ и серебромъ и когда онъ заключалъ въ себѣ всю красоту и всѣ богатства, коими онъ одаренъ былъ отъ могуще-

[1]) Тамъ же... и Лаврент. лѣт. т. 1, подъ 1174 г.

[2]) См. тамъ-же.

ственнаго своего перваго строителя—Боголюбскаго! Если мы, въ концѣ XIX вѣка, избалованные всѣми чудесами современной техники и строительнаго искусства, съ невольнымъ удивленіемъ останавливаемся при видѣ этого величественнаго, стройнаго и прекраснаго храма, лишившагося почти всѣхъ своихъ богатствъ и украшеній, то что же долженъ былъ чувствовать при видѣ этого чуда строительнаго искусства полуязычникъ русскій временъ Боголюбскаго, не видавшій никогда ни дворцовъ, ни палатъ, ни храмовъ, совершавшій свои незатѣйливые языческіе обряды предъ чурбанными идолами просто подъ открытымъ небомъ! Несомнѣнно, что онъ сильнѣе, чѣмъ отъ всякой самой пламенной и краснорѣчивой проповѣди миссіонера, убѣждался при видѣ подобныхъ Успенскому собору храмовъ, построенныхъ Боголюбскимъ въ разныхъ мѣстахъ обширнаго Ростовско-Суздальскаго княжества, въ превосходствѣ христіанской религіи надъ языческой, и эти многочисленные великолѣпные храмы Боголюбскаго самымъ благотворнымъ образомъ содѣйствовали паденію язычества и усиленію и распространенію здѣсь христіанства [1]).

[1]) При реставраціи наружнаго вида Усп. собора въ 1885—91 г. не востановлены напр. тѣ золоченые листы, которыми были обиты впадины (комары) между оконъ соборнаго купола (трибуна), отъ которыхъ весь куполъ съ трибуномъ (въ лѣтописи называемый «столпъ изовну церкви») казался сплошь золотымъ; нѣтъ теперь и золоченыхъ птицъ (шотки), и флюгеровъ (вѣтрила) по комарамъ, и золотаго пояса, окружавшаго всю церковь посрединѣ стѣнъ, которые украшали соборъ снаружи при Боголюбскомъ; и самыя «узорочья» спускающіяся по краямъ кровли, сдѣланныя послѣдней реставраціей, слишкомъ бѣдны и мизерны въ сравненіи съ тѣми, какія здѣсь были раньше. Внутри храма нѣтъ также ни золотыхъ листовъ, которыми были обиты стѣны собора, ни серебрянаго амвона, ни золоченыхъ дверей, у которыхъ и косяки, и притолоки были обиты золоченными листами.

На это-то неизгладимое и подавляющее впечатлѣніе отъ великолѣпныхъ храмовъ и разсчитывалъ знаменитый строитель ихъ Андрей Боголюбскій, при обращеніи язычниковъ въ христіанскую православную вѣру. Онъ, по сказанію лѣтописца, имѣлъ обыкновеніе водить въ свои храмы всѣхъ язычниковъ, своихъ и пріѣзжавшихъ, а чаще всего купцовъ изъ разныхъ странъ «отъ латынянъ и отъ въсѣе погани», и показывать имъ «истинное хрестьянство»; «и болгаре, и жидове, и вся погань», говоритъ лѣтописецъ, «видивше славу Божію и украшеніе церковное, *крестилисъ*»[1]). Таковы были послѣдствія впечатлѣнія отъ созданныхъ св. Андреемъ Боголюбскимъ величественныхъ храмовъ.

Нѣкоторые изъ историковъ, во главѣ съ Костомаровымъ, объясняютъ это усердіе Андрея Боголюбскаго къ построенію храмовъ и необычайную при этомъ щедрость его главнымъ образомъ яко-бы его тщеславіемъ и желаніемъ заставить говорить о себѣ съ разсчетомъ на свои личныя выгоды; но такой взглядъ на храмоздательную дѣятельность благовѣрнаго князя Андрея, какъ ни на чемъ не основанный, является по меньшей мѣрѣ произвольнымъ. Не мелкое тщеславіе руководило имъ въ этомъ великомъ дѣлѣ, а напротивъ, искреннее и глубокое убѣжденіе въ святости христіанской вѣры и горячая забота о нравственномъ и политическомъ благѣ народа. Будучи самъ глубоко убѣжденнымъ христіаниномъ, великій князь Андрей ничего не щадилъ для распространенія и усиленія христіанства въ своей родной землѣ, считая для этого болѣе пригоднымъ, въ цѣляхъ миссіонерскихъ, построеніе многочисленныхъ и великолѣпныхъ храмовъ. Что, дѣйстви-

[1]) Ипат. лѣтоп. подъ 1175 г.

тельно, Андрей Боголюбскій не щадилъ средствъ при построеніи великолѣпныхъ храмовъ не изъ личныхъ своихъ разсчетовъ, но съ миссіонерскою цѣлію, чтобы дать рѣшительный перевѣсъ христіанству предъ язычествомъ, въ этомъ убѣждаетъ насъ, помимо вышеупомянутаго свидѣтельства лѣтописца объ обычаѣ Андрея вести наглядную и убѣдительную проповѣдь при показываніи язычникамъ своихъ величественныхъ храмовъ, и то обстоятельство, что Андрей ставилъ эти храмы преимущественно на мѣстахъ языческихъ капищъ. Такъ, напримѣръ, церковь Ѳеодора Стратилата была построена Андреемъ Боголюбскимъ въ Яриловой долинѣ, гдѣ совершались язычниками г. Владиміра гнусныя игрища въ честь славянскаго Пріапа.

Благодаря этимъ заботамъ Боголюбскаго, христіанство быстро распространялось и крѣпло на сѣверѣ и становилось народной государственной религіей, чѣмъ сама собой достигалась и политическая цѣль князя Андрея— сплотить въ одинъ народъ разноплеменную Русь.

Посѣщая великолѣпные христіанскіе храмы, сѣверная Русь подъ покровомъ единой религіи начала чувствовать свое единство, и создававшаяся народность великорусская здѣсь, въ этихъ храмахъ, пріобрѣла твердое и непоколебимое убѣжденіе, что безъ православія не можетъ быть и Руси.

Таково истинное значеніе неутомимой храмоздательской дѣятельности Андрея Боголюбскаго!

Въ 1160 г. совершилось событіе, которое оказало важное вліяніе на развитіе и укрѣпленіе христіанства въ Ростовско-Суздальской землѣ: это—обрѣтеніе мощей св. Леонтія и Исаіи, просвѣтителей Ростовскихъ. Въ 1160 г. въ Ростовѣ случился страшный пожаръ—одинъ изъ тѣхъ,

которые такъ были обычны въ древнихъ Русскихъ городахъ при исключительно деревянныхъ постройкахъ и страшной скученности ихъ. Во время этого пожара сгорѣла деревянная соборная церковь Успенія. Благочестивый князь Андрей тогда-же приступилъ къ постройкѣ новаго соборнаго храма—каменнаго, болѣе обширнаго и величественнаго, чѣмъ бывшій здѣсь прежній храмъ[1]). Когда въ Ростовѣ было приступлено къ очисткѣ мѣста подъ новую постройку, рабочими обрѣтены были нетлѣнныя мощи святителей и просвѣтителей земли Ростовской—Леонтія и Исаіи. Благовѣрный князь Андрей былъ несказанно обрадованъ этимъ событіемъ. По окончаніи строенія собора въ 1162 г., какъ свидѣтельствуетъ сѣв. лѣтописецъ, князь самъ отправился на освященіе новозданнаго храма и совершилъ вмѣстѣ съ тѣмъ торжественнѣйшее перенесеніе новообрѣтенныхъ мощей въ соборъ. Онъ устроилъ для св. мощей великолѣпныя гробницы и со слезами радости припадалъ къ нимъ, вознося благодареніе Господу Богу, благоволившему явить видимую милость къ юной сѣверной Руси открытіемъ въ ней нетлѣнныхъ мощей. «Теперь я уже ничѣмъ не охужденъ предъ другими»,—съ радостью восклицаетъ благовѣрный князь,—«милость Твоя даровала благодать».... Вмѣстѣ съ нимъ ликовало и все княжество Ростовское, ублажая первосвятителей Ростовскихъ[2]).

---

[1]) Это построеніе новаго храма у великаго князя Андрея вызывалось отчасти и желаніемъ изгладить то неудовольствіе, которое безъ сомнѣнія появилось у Ростовцевъ, завидовавшихъ пригороду Владиміру, сдѣлавшемуся резиденціей князя помимо ихъ старѣйшаго города, въ особенности когда Андрей началъ вмѣстѣ съ тѣмъ строить во Владимірѣ величественный Успенскій соборъ.

[2]) См. житіе еписк. Леонтія.Пр. Соб. 1858 г. кн. 2-я стр. 314.

Съ обрѣтеніемъ мощей св. Леонтія и Исаіи, просвѣтителей Ростовскихъ, Рост.-Суздальская земля получила, такъ сказать, новую, послѣ чудотворной Владимірской иконы Божіей Матери, свою народную святыню. Это чудесное прославленіе нетлѣніемъ останковъ еп. Леонтія и Исаіи, проповѣдническіе и пастырскіе подвиги которыхъ были живы въ памяти народной, такъ какъ были живы еще дѣти тѣхъ ростовцевъ, которые самолично ходили за городъ къ святителю Леонтію учиться истинамъ святой вѣры, и могли даже быть въ живыхъ сами свидѣтели апостольскихъ трудовъ святителя Исаіи, обходившаго съ проповѣдью землю Суздальскую еще въ 90-хъ годахъ XI столѣтія, особенно важно было для торжества христіанства въ Ростовско-Суздальской землѣ. Это нетлѣніе св. останковъ и чудеса, совершавшіяся при мощахъ первыхъ просвѣтителей Ростовскихъ, были убѣдительнѣйшимъ знаменіемъ для язычниковъ и полуязычниковъ Ростовско-Суздальской земли величія христіанской вѣры. Неизвѣстный составитель древнѣйшаго похвальнаго слова въ честь св. Леонтія[1]), жившій вскорѣ послѣ обрѣтенія мощей сего святителя, такъ изображаетъ торжество христіанства и тотъ нравственный переворотъ, который совершился въ Ростовско-Суздальской землѣ при благовѣрномъ князѣ Андреѣ: «О новыя и преславныя чудеса!.... гдѣ были бѣсовскія жертвы, тамъ стали христіанскія церкви; гдѣ ликовалъ діаволъ, тамъ явился Владыка Христосъ; гдѣ гнѣздились духи, оттуда они нынѣ отгоняются»[2]).

[1]) Съ вѣроятностью можно предполагать авторомъ этого слова Іоанна, еп. Ростовскаго, составившаго въ 1194 г. службу на память обрѣтенія мощей сего Святителя. См. Ист. р. и. Голубинскаго т. I, стр. 688.

[2]) Слово похвальное въ память св. Леонтія. См. Пр. Соб. 1858 г. т. I, стр. 424—427.

На укрѣпленіе въ сознаніи сѣверной Руси превосходства христіанской религіи предъ язычествомъ имѣлъ также важное значеніе походъ, совершенный Андреемъ Боголюбскимъ въ 1164 г. противъ невѣрныхъ Камскихъ Болгаръ, который окончился полнымъ торжествомъ русскихъ, находившихся подъ покровомъ чудотворной Владимірской иконы Божіей Матери, все время сопровождавшей войска въ этомъ походѣ. Болгары, жившіе въ это время въ бассейнахъ рѣкъ Камы и Волги, въ X в. приняли магометанство. Они вели обширную торговлю съ Новгородцами и населеніемъ Ростовско-Суздальской земли. Русскіе, подвигаясь на востокъ, неминуемо должны были придти съ ними въ столкновеніе, и Болгары неоднократно дѣлали набѣги на Рост.-Суздальскую землю. Такъ въ 1107 г. они напали на Суздаль,—и городъ спасся тогда только помощію свыше по усердной молитвѣ жителей. Лѣтописецъ не передаетъ намъ ближайшей причины войны 1164 г. Андрея Боголюбскаго съ болгарами. Но вообще войны съ Болгарами, какъ съ невѣрными, считались особенно богоугоднымъ дѣломъ; и эта война съ Болгарами, какъ съ невѣрными, приняла видъ священной войны. Благовѣрный князь Андрей съ сыномъ своимъ Изяславомъ и со всѣмъ войскомъ выступилъ противъ зловѣрныхъ агарянъ изъ Боголюбова.

Самъ князь и все войско причастились святыхъ тайнъ и со слезами молились предъ чудотворною иконою Божіей Матери, проса Ея помощи «на безбожные супостаты». Андрей рѣшилъ взять съ собою въ походъ и самую святыню, чудотворную икону Божіей Матери, и велѣлъ священникамъ въ облаченіи нести ее подъ знаменами предъ войсками. И молитва князя была услышана. Пресв. Богородица сотворила чудо: князю Андрею всю дорогу, по словамъ лѣто-

писца, видѣнъ былъ лучъ, исходившій отъ св. иконы и осѣнявшій его полкъ. Походъ былъ побѣдоносный. Болгары въ первомъ же бою были разбиты и побѣжали, бѣжалъ и самъ князь болгарскій; цѣлыхъ шесть болгарскихъ городовъ одинъ за другимъ были взяты Боголюбскимъ и между ними большой и торговый городъ—Брянхимовъ. На болгаръ была наложена дань, и христолюбивый князь съ великимъ торжествомъ возвратился во Владиміръ, всецѣло приписавъ эту побѣду помощи и заступленію Божіей Матери, чудесная икона Коей была въ походѣ. Дабы увѣковѣчить эту всесильную помощь въ памяти народной, благочестивый князь, съ благословенія Констан. патріарха, учредилъ каждогодное празднество 1-го августа въ память этого событія. Патріархъ Константинопольскій благословилъ совершать этотъ праздникъ—тѣмъ болѣе, что русское торжество побѣды надъ Болгарами, благодаря помощи свыше, совпало съ торжествомъ греческаго императора Мануила, одержавшаго одновременно съ русскими побѣду надъ Сарацинами, которую тотъ приписывалъ силѣ животворящаго Креста и иконѣ Спасителя, бывшей въ войскѣ. Въ память этого-же событія построенъ былъ и храмъ въ Боголюбовѣ на берегу рѣки Нерли (нынѣ Покровскій).

Таковы были мудрыя и благочестивыя заботы великаго князя Андрея о распространеніи и утвержденіи православія среди юной сѣверной Руси, и всѣ онѣ не остались безплодными. Эти два мѣстныхъ празднества въ Ростовско-Суздальской землѣ—въ честь обрѣтенія мощей св. угодниковъ Ростовскихъ Леонтія и Исаіи и въ память чудесной побѣды русскихъ дружинъ надъ Болгарами, установленныя Андреемъ Боголюбскимъ, постоянно напоминали

недавнимъ язычникамъ о превосходствѣ христіанской вѣры надъ языческой и воспитывали въ новыхъ христіанахъ любовь и привязанность къ единой истинной православной вѣрѣ. Православіе болѣе и болѣе распространялось и утверждалось въ сѣверной Руси. Сдѣлавшись здѣсь религіей «народной», по этому самому оно явилось прочнымъ нравственнымъ цементомъ, связывавшимъ этотъ народъ въ одно политическое цѣлое, и вмѣстѣ съ единовластіемъ легло въ основу дальнѣйшаго объединенія и могущества всей Руси.

V.

Распространеніе и усиленіе христіанства на сѣверѣ, увеличеніе народонаселенія и возвышеніе Рост.-Суздальской земли предъ другими княжествами, благодаря неутомимой и плодотворной дѣятельности Боголюбскаго, перенесеніе столицы княжеской изъ Ростова во Владиміръ —всѣ эти событія, совершившіяся въ послѣднія десятилѣтія, создавали необходимость и новаго церковнаго порядка въ землѣ Р.-Суздальской. Великій князь Андрей понималъ всю ненормальность положенія своего княжества въ церковномъ отношеніи. Прежде всего неудобно было то, что на обширнѣйшую и многолюднѣйшую теперь землю Р.-Суздальскую, ничѣмъ «не ухужденную» въ религіозномъ отношеніи предъ другими русскими областями, а напротивъ, сіяющую такими храмами «яковыхъ же не бысть на Руси и не будетъ», былъ по-прежнему одинъ епископъ, который долженъ былъ вѣдать всѣ церковныя дѣла такой обширной области. Далѣе, не менѣе неудобствъ въ административномъ отношеніи представляло и то обстоятельство, что епископская каѳедра была не

въ стольномъ городѣ Владимірѣ, гдѣ на устроеніе и украшеніе храмовъ князь положилъ столько заботъ, труда и средствъ, а въ отдаленномъ Ростовѣ. При значительномъ разстояніи между центрами власти церковной и гражданской не могло быть полнаго единства и согласія въ распоряженіяхъ той и другой власти, а это при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ могло вести къ разнымъ нестроеніямъ, даже къ антагонизму той и другой власти, что и случилось при епископахъ Ростовскихъ Несторѣ и Леонѣ, которые, какъ греки, были чужды тѣмъ идеальнымъ заботамъ о просвѣщеніи земли Р.-Суздальской, которыми былъ одушевленъ Андрей Боголюбскій, и преслѣдовали только свои личные матеріальные интересы.

Наконецъ, зависимость епископа Ростовско-Суздальской области, гдѣ находилась самая столица великаго князя, отъ митрополита, жившаго въ Кіевѣ за тысячу верстъ отъ Владиміра, эта зависимость представляла одно изъ главныхъ препятствій и для упроченія единой сильной гражданской власти въ лицѣ великаго князя, и для совмѣстно-стройнаго, во всемъ согласнаго дѣйствія обѣихъ властей — гражданской и церковной. Великому князю Андрею нужно было позаботиться о такомъ устройствѣ своей земли въ церковномъ отношеніи, чтобы Владиміръ былъ главнымъ церковно-административнымъ центромъ княжества, а для этого, не уничтожая епископской каѳедры въ Ростовѣ, нужно было открыть новую каѳедру во Владимірѣ и сдѣлать Владимірскаго архипастыря, ради обширности Ростовско-Суздальской земли и ея первенствующаго значенія среди другихъ княжествъ, митрополитомъ, независимымъ отъ Кіева, клонившагося къ упадку въ гражданскомъ отношеніи.

Ближайшимъ поводомъ, настоятельно требовавшимъ новаго болѣе прочнаго и нормальнаго порядка въ церковномъ управленіи, послужили нестроенія, связанныя со спорами по вопросу о постахъ въ среду и пятокъ, поднятыми въ Ростовѣ епископомъ Несторомъ и волновавшими русскую церковь около 15 лѣтъ, или точнѣе—спорами по вопросу о томъ, въ какіе праздники, случающіеся на эти дни, слѣдуетъ разрѣшить постъ. Въ Греціи существовали въ этомъ отношеніи разные обычаи, ставшіе извѣстными и на Руси. У насъ въ русской церкви изначала установился обычай вкушать мясо и рыбу во всѣ среды и пятки, если въ нихъ случится какой либо большой Господскій и Богородичный или даже нарочитаго Святаго праздникъ, и во всю Пятидесятницу, потому что праздники, по общему убѣжденію, высказанному еще преп. Ѳеодосіемъ Печерскимъ, должно «праздновати свѣтло». Но около 1156 года епископъ Ростовскій Несторъ въ своей епархіи началъ ограничивать этотъ обычай и сталъ запрещать вкушать скоромное въ среды и пятки Пятидесятницы и во всѣ праздники, исключая Рождества и Крещенія. Это нововведеніе не понравилось всѣмъ ростовцамъ: они находили новое ученіе епископа Нестора о постахъ и тяжелымъ и неправильнымъ. Въ ту пору къ церковнымъ заповѣдямъ о постѣ относились не такъ, какъ многіе относятся теперь. Принятые посты соблюдались строго. Въ постные дни наши предки, согласно церковнымъ уставамъ, вкушали скудную пищу только одинъ разъ въ день и то въ 3-мъ часу по-полудни. Понятно, какимъ тяжелымъ должно было показаться это новое и строгое распоряженіе епископа Нестора о постахъ въ праздники. Тяжело было это и самому князю Андрею Боголюбскому, благочестіе котораго не позволило бы ему легко относиться

къ новому правилу о постѣ. Всѣмъ казалось, что пощеніе въ праздники будетъ омрачать «свѣтлость» самыхъ праздниковъ, и вся епархія, во главѣ съ княземъ Андреемъ, не приняла новаго ученія о постахъ. Епископъ Несторъ долженъ былъ оставить каѳедру; онъ отправился съ жалобой къ кіевскому митрополиту.

Поступившій на его мѣсто епископъ Леонъ, изъ игуменовъ Суздальскаго монастыря, [1]) также не долго пробылъ на Ростовско-Суздальской каѳедрѣ. Онъ оказался большимъ мздоимцемъ и съ цѣлію умноженія своихъ доходовъ «умножалъ бяше церкви, грабяй попы»,—какъ говоритъ о немъ лѣтописецъ, т.-е. размножалъ безъ нужды число священниковъ, желая больше получить денегъ за рукоположеніе, и обременялъ ихъ разными поборами. Этимъ корыстолюбіемъ онъ скоро вызвалъ всеобщее къ себѣ нерасположеніе паствы, и Андрей Боголюбскій долженъ былъ по жалобѣ всей епархіи уволить этого епископа, тѣмъ болѣе что онъ, неизвѣстно почему, [2]) началъ проповѣдывать такое строгое ученіе о постѣ въ среду и пятокъ, что запретилъ вкушать мясо и молоко въ эти дни во всѣ праздники, даже въ Рождество и Богоявленіе, и лишь по усиленнымъ просьбамъ разрѣшилъ постъ въ Свѣтлую седмицу. Это ученіе всѣмъ показалось совершенной «ересью». По порученію князя ученіе это было разобрано мѣстными свѣдущими въ церковномъ уставѣ людьми и было опровергнуто. Главнымъ виновникомъ опроверженія этого ученія Леона былъ «Ѳеодоръ» [3]) впослѣдствіи епи-

[1]) Игуменомъ Суздальскаго Владычня монастыря Леона называетъ Татищевъ. Татищ. Истор. р. т. III. 105 стр. и прим. 468-е.

[2]) Нужно думать, что Леонъ былъ грекъ.

[3]) О немъ будетъ рѣчь ниже. Татищевъ называетъ Ѳеодора епископомъ Черниговскимъ, но неизвѣстно на какомъ основаніи. Истор. р. т. II, 139 стр. Профессоръ Иванъ Игнат. Малышев-

скопъ Владимірско-Ростовскій, человѣкъ весьма начитанный и умный: онъ вступилъ въ споръ по этому вопросу съ еп. Леономъ и, какъ выражается лѣтописецъ, «упре его». Леонъ удалился въ Царьградъ искать защиты своего ученія.

Между тѣмъ митрополитъ Кіевскій Ѳеодоръ оправдалъ еп. Нестора, [1]) найдя его ученіе о постѣ въ среды и пятки согласнымъ съ церковными уставами, и возвращалъ его снова епископомъ въ Ростовъ. Благовѣрный князь Андрей, будучи твердо убѣжденъ въ неправотѣ Нестора, нарушавшаго своимъ новымъ ученіемъ о постѣ старые, укоренившіеся въ русской церкви, обычаи въ этомъ отношеніи, не согласился съ постановленіемъ суда Кіевскаго митрополита и рѣшилъ обратиться за разъясненіемъ этого вопроса къ самому Константинопольскому патріарху. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы положить конецъ всѣмъ этимъ церковнымъ нестроеніямъ въ своемъ княжествѣ, благовѣрный князь рѣшилъ также исходатайствовать у патріарха дозволеніе учредить во Владимірѣ митрополію, желая поставить Ростовско-Суздальскую область внѣ зависимости отъ Кіевскаго митрополита, присылавшаго въ Ростовъ такихъ епископовъ, которые не въ состояніи были поддержать и упрочить здѣсь церковнаго порядка.

скій предполагаетъ, что Ѳеодоръ во время спора съ еп. Леономъ, т.-е. въ 1164 г., былъ уже епископомъ Владимірскимъ. (См. его ст. «Кіевскіе церковные соборы.» Труд. Кіев. Дух. Акад. 1884 г. № 12). Вообще же опредѣлить время посвященія Ѳеодора въ епископы на основаніи имѣющихся о немъ лѣтописныхъ, крайне разнорѣчивыхъ, извѣстій—съ точностію совершенно невозможно.

[1]) Лѣтописныя извѣстія о Несторѣ также спутаны. Если вѣрить Лавр. и Ипат. лѣтописямъ, то Несторъ дважды судился въ Кіевѣ по вопросу о постахъ: при митрополитѣ Константинѣ I въ 1156—7 г. и при Ѳеодорѣ въ 1162 г.

Никоновская лѣтопись сообщаетъ, что Андрей Боголюбскій сдѣлалъ это съ согласія бояръ своихъ. «Украсивъ и расширивъ градъ Володимеръ, собралъ своихъ князей и бояръ и объявилъ, что онъ, создавъ градъ Божій, благодатію и помощью Пречистыя Богородицы и расширивъ и вознесый его наипаче, хочетъ объявить его митрополіею, да будетъ сей градъ великое княженіе и глава всѣмъ. Князья и бояре вси сице возлюбиша.» [1]) Отправлено было съ этою цѣлію особое посольство въ Константинополь къ патріарху Лукѣ Хризоверху во главѣ съ боярином Яковомъ Станиславовичемъ. Въ грамотѣ, посланной патріарху, великій князь Андрей, въ виду возвышенія гор. Владиміра, усиленія Р.-Суздальскаго княжества и умноженія тамъ храмовъ и количества христіанъ, просилъ патріарха поставить ему особаго митрополита въ новосозданную столицу, вмѣстѣ съ тѣмъ изъяснивъ и причины увольненія изъ Ростова еп. Нестора [2]).

Неизвѣстно, какъ бы отвѣтилъ на это посланіе патріархъ при другихъ обстоятельствахъ, но въ то время, когда пришелъ въ Константинополь Яковъ Станиславовичъ отъ Боголюбскаго, у патріарха жилъ уже посолъ отъ Кіевскаго митрополита, можетъ быть, затѣмъ и явившійся сюда, чтобы помѣшать домогательству Владимірскаго князя объ отдѣленіи Р.-Суздальской области въ особую митрополію; тутъ же былъ и удаленный изъ Ростова епископъ Несторъ, которому съ учрежденіемъ митрополіи во Владимірѣ пришлось бы потерять богатую десятину Владимірскаго собора. Въ виду вліянія этихъ двухъ лицъ, а можетъ быть и еще по какимъ нибудь побужденіямъ, Лука

[1]) П. С. Л. IX т. 222 стр.

[2]) Грамота кн. Андрея къ сожалѣнію не сохранилась и о содержаніи ея можно судить лишь по отвѣту патріарха.

Хризоверхъ, посовѣтовавшись на соборѣ со своими епископами, уклонился отъ исполненія просьбы Боголюбскаго. Въ отвѣтной грамотѣ князю Андрею онъ выхваляетъ его и благодаритъ за ревность по вѣрѣ и благочестію, за построеніе церквей и монастырей, за щедрыя пожертвованія въ пользу церкви, но отдѣлить гор. Владиміръ отъ епархіи Ростовской, установить въ немъ каѳедру митрополіи, независимой отъ Кіева, отказывается, такъ какъ это якобы несогласно съ правилами св. Апостоловъ и Отецъ. Въ заключеніи посланія онъ проситъ принять еп. Нестора епископомъ Ростовскимъ и, если угодно князю, позволяетъ ему жить и во Владимірѣ, «въ томъ бо ему нѣсть пакости, за неже есть таковый градъ подъ областію его» [1]).

Такъ кончилось неудачею стремленіе благовѣрнаго великаго князя Андрея основать во Владимірѣ митрополію. Но это дѣло оказывалось настолько важнымъ и такъ настоятельно требовалось для интересовъ церковныхъ и гражданскихъ въ сѣверной Руси, что великій князь сдѣлалъ новое усиліе организовать и упрочить церковно-административный порядокъ въ обширной Ростовско-Суздальской области и рѣшилъ добиться того, чтобы епископъ этой области былъ по крайней мѣрѣ автокефальнымъ, т.-е. независимымъ отъ Кіевскаго митрополита. Для этой цѣли Андрей Боголюбскій выбралъ весьма ученаго и способнаго человѣка, бывшаго Суздальскаго игумена Ѳеодора, который успѣлъ уже обнаружить знаніе церковныхъ дѣлъ и силу таланта въ спорѣ съ еп. Леономъ о постахъ, и по-

[1]) Грамота Луки Хризоверха безъ конца, но въ древнемъ видѣ, помѣщена въ III т. Ист. русск. церкви м. Макарія стр. 298 - 300. Съ новѣйшими вставками она же помѣщена въ Никоновской лѣтописи.

слалъ его непосредственно въ Константинополь для посвященія въ епископа Ростовско-Владимірскаго. Этотъ, избранный великимъ княземъ, кандидатъ на Владимірскую каѳедру, происходившій изъ знатнаго боярскаго рода [1]), былъ человѣкъ въ высшей степени умный и образованный, но вмѣстѣ съ тѣмъ самонадѣянный и гордый [2]).

Явившись въ Константинополь съ обычными щедрыми дарами, Ѳеодоръ сначала просилъ, по сказанію нѣкоторыхъ лѣтописцевъ, чтобы патріархъ поставилъ его митрополитомъ на Ростовско-Владимірскую каѳедру. Патріархъ согласился поставить его, но не митрополитомъ, а лишь епископомъ Ростовско-Владимірскимъ. Ѳеодоръ удовольствовался этимъ, сочтя себя автокефальнымъ, какъ посвященный самимъ патріархомъ, онъ на обратномъ пути проѣхалъ мимо Кіева, не принявъ благословенія у тамошняго митрополита и, поселившись во Владимірѣ, сталъ само-

[1]) Судя по испорченному посланію Луки Хризоверха, помѣщенному въ Никоновской лѣтописи (II. 184) Ѳеодоръ былъ грекъ, сестрищичъ (племянникъ отъ сестры) Смоленскаго епископа, грека Мануила. Помимо сомнительности редакціи самого посланія, это извѣстіе не противорѣчитъ истинѣ: сестра грека Мануила могла быть замужемъ за русскимъ бояриномъ, и Ѳеодоръ могъ быть русскимъ, не смотря на свое родство съ грекомъ епископомъ.

[2]) Никоновская лѣтопись говоритъ о Ѳеодорѣ: «языкная чистота (у него) и быстрость преудивлена, и дерзновеніе и безстудіе такова, яко ни у кого не было: никтоже бо можаше противу его стояти: иѣціи глаголаху о немъ, яко отъ демона сей, иніи же волхва его глаголаху»... «и бѣ страшенъ и грозенъ всѣмъ; рѣкаше бо гласъ его, аки львовъ, а величествомъ бѣ, аки дубъ, и крѣпокъ, и силенъ»... «взнесше (бѣси) мысль его до облакъ и устремивша въ немъ втораго сатанаила» (П. С. Л. IX, 239 и др.). Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти и другіе отзывы о Ѳеодорѣ, дышущіе къ нему ненавистію, сильно преувеличены.

стоятельно править Ростовско-Владимірскою епархіею [1]). Такой поступокъ епископа Ѳеодора митрополитъ Кіевскій счелъ за нарушеніе своихъ правъ и вооружился противъ

[1]) Раздраженные впослѣдствіи дѣяніями Ѳеодора, въ санѣ епископа Владиміро-Ростовскаго, предубѣжденные противъ его лѣтописцы далеко не передаютъ истины въ дѣлѣ поставленія его во епископы и о его правленіи. Приходится съ особою осторожностью принимать ихъ извѣстія, часто совершенно противорѣчивыя и даже совсѣмъ невѣроятныя. Они представляютъ дѣло такъ, будто Ѳеодоръ самъ «наскочилъ» на святительскій санъ, самовольно явился въ Константинополь къ патріарху и «лестію», т.-е. обманомъ, выпросилъ у него посвященіе въ епископа Ростовскаго, говоря, что митрополита въ Кіевѣ нѣтъ и посвятить его некому; патріархъ будто повѣрилъ ему и посвятилъ его въ Ростовъ епископомъ; великій князь будто бы посылалъ его къ Кіевскому митрополиту за благословеніемъ, а Ѳеодоръ не слушалъ князя, и затѣмъ началъ безчеловѣчно обращаться со своею паствою «и съ простцами и съ мнихами, игуменами и іереями инымъ головы порѣзывая и бороды, другимъ же очи выжигая и языки урѣзывая, иные же роспиная по стѣнѣ, мучаше немилостиво, хотя восхитити отъ всѣхъ имѣніе, бѣ бо несыть имѣнья аки адъ» и затворивши, наконецъ, всѣ церкви во Владимірѣ и въ области, такъ что «не бысть ни звоненья, ни пѣнья». Представлять дѣло такъ, какъ представляютъ его лѣтописцы, значитъ не знать Боголюбскаго, который, во-первыхъ, и не впустилъ бы къ себѣ во Владиміръ епископа, поставленнаго безъ его воли, а во-вторыхъ- не сталъ бы и держать у себя на епископской каѳедрѣ такого ужаснаго злодѣя, какимъ представляютъ лѣтописцы еп. Ѳеодора. Въ данномъ случаѣ весьма важно изложеніе дѣла Ѳедорца у историка Татищева, который повидимому близокъ къ истинѣ, а также сообщенія Никоновской лѣтописи, которыя нѣсколько проливаютъ свѣтъ на это запутанное у пристрастныхъ лѣтописцевъ дѣло. (Искусный анализъ и остроумная критика лѣтописныхъ сказаній о еп. Ѳеодорѣ находится у проф. Е. Е. Голубинскаго въ его Исторіи Р. церкви т. I, стр. 373—376 и у митр. Макарія въ его Ист. Р. ц. т. III, 23—26 стр.).

непокорнаго ему епископа всѣми возможными для него средствами съ цѣлію свергнуть его съ каѳедры. Но на первыхъ порахъ всѣ эти дѣйствія Кіевскаго митрополита остались тщетными и безплодными. Вскорѣ обстоятельства сложились еще болѣе, повидимому, благопріятно для автокефальнаго епископа Владиміро-Ростовскаго Ѳеодора.

Споры о постахъ изъ Ростовско-Суздальской области перешли и въ южную Русь. Послѣ суда надъ еп. Несторомъ, митрополитъ Кіевскій, ставшій на сторону этого Суздальскаго епископа въ ученіи о постахъ, вѣроятно сдѣлалъ распоряженіе на югѣ о запрещеніи ѣсть мясо и молоко въ Господскіе и Богородичные праздники (за исключеніемъ Рождества и Богоявленія), если они случатся въ среду и пятокъ. И здѣсь это нововведеніе вызвало всеобщее неудовольствіе и въ князьяхъ, и въ мірянахъ, и даже въ инокахъ Печерскаго монастыря во главѣ съ игуменомъ Поликарпомъ. Волненіе охватило и другія епархіи: Черниговскую, Переяславскую, Смоленскую и Галичскую. Для того чтобы положить конецъ этимъ спорамъ по вопросу о постѣ въ 1168 году въ Кіевѣ собрался мѣстный церковный соборъ [1]). На этотъ соборъ прибыли епископы: Черниговскій Антоній, Смоленскій Мануилъ, Переяславскій и Галицкій—оба неизвѣстные по имени. Прибылъ сюда и епископъ Ростовско-Владимірскій Ѳеодоръ, присланный сюда Андреемъ Боголюбскимъ. Великій князь Андрей, по сообщенію Татищева, прислалъ грамоту къ Кіевскому князю Изяславу и собору епископовъ, въ

[1]) Проф. И. И. Малышевскій въ статьѣ о Кіевскихъ церковныхъ соборахъ предполагаетъ, что соборъ этотъ уговорилъ устроить Кіевскаго кн. Изяслава игуменъ Печерскаго монастыря Поликарпъ.

которой писалъ, чтобы отцы собора самостоятельно и безпристрастно разсмотрѣли этотъ вопросъ о мясоястіи помимо вліянія митрополита и патріарха, «отъ власти коихъ въ Руси лишь великій вредъ и великіе убытки».

Когда начались пренія на соборѣ по вопросу о постѣ въ среду и пятокъ, мнѣнія пастырей раздѣлились: льготнаго обычая выполненія постовъ держались, кромѣ епископа Владиміро-Ростовскаго Ѳеодора, епископъ Смоленскій Мануилъ (дядя Ѳеодора), Галичскій епископъ, неизвѣстный по имени, и игуменъ Печерскаго монастыря Поликарпъ. Противъ нихъ вооружились: Кіевскій митрополитъ Константинъ, Черниговскій еп. Антоній и неизвѣстный по имени еп. Переяславскій. Епископъ Ѳеодоръ болѣе всѣхъ ратовалъ на соборѣ противъ новаго греческаго ученія о постахъ и «наипаче всѣхъ прилежалъ», чтобы одержать верхъ и обличить въ неправотѣ самого Кіевскаго митрополита, держа себя по отношенію къ нему совершенно свободно, какъ независимый отъ него. Но ни та, ни другая сторона не могли придти къ соглашенію, и соборъ долженъ былъ разойтись, не придя къ одному опредѣленному рѣшенію. Митр. Константинъ тотчасъ послѣ собора, пользуясь своей властью, рѣшилъ силою ввести новое ученіе о постѣ въ Кіевѣ: онъ осудилъ сторонника партіи Ѳеодора Владимірскаго—игумена Печерскаго монастыря Поликарпа, наложивъ на него запрещеніе и даже подвергнулъ его заключенію [1]). Наказавъ несогласнаго съ

[1]) Замѣчательно, что и авторъ Лаврентіевской лѣтописи, несомнѣнно инокъ, держится льготнаго взгляда или обычая въ вопросѣ о постѣ. Поступокъ митрополита Константина съ игуменомъ Поликарпомъ онъ называетъ «митрополичьею неправдою», такимъ грѣхомъ, совершившимся въ Кіевѣ, за который онъ вскорѣ былъ

нимъ игумена Поликарпа, митрополитъ рѣшилъ во что бы то ни стало расправиться и съ ненавистнымъ ему епископомъ Ѳеодоромъ, который мало того, что не признавалъ за нимъ авторитета въ вопросѣ о постѣ, отрицалъ его власть надъ собою, считая себя независимымъ, но и его, митрополита, едва не свергнулъ съ каѳедры. Митрополитъ началъ писать грамоты противъ него во всѣ епархіи, доказывая неправоту поставленія Ѳеодора въ Константинополѣ помимо его, законнаго митрополита, въ особенности же старался возбудить противъ Ѳеодора Владимірское духовенство. Въ средѣ епископовъ, преимущественно своихъ единоплеменниковъ—грековъ, митрополитъ встрѣтилъ почти повсемѣстное сочувствіе, и тѣ (какъ наприм. Кириллъ Туровскій) писали въ свою очередь посланія Андрею Боголюбскому о неправотѣ его епископа. Не мало противниковъ Ѳеодору митрополитъ Константинъ нашелъ и въ средѣ Владиміро-Ростовскаго духовенства. Ѳеодоръ, добившись епископскаго сана, оказался далеко не безупречнымъ въ нравственномъ отношеніи: онъ былъ гордъ, сребролюбивъ и, надѣясь на любовь къ нему князя, дозволялъ по отношенію къ пасомымъ своимъ несправедливыя дѣянія, чѣмъ и возбудилъ во многихъ изъ нихъ расположеніе къ себѣ. Этимъ и воспользовался митрополитъ Константинъ. Онъ написалъ къ Владиміро-Суздальско-Ростовской паствѣ посланіе, въ которомъ властно наложилъ за-

---

наказанъ раззореніемъ. Въ другомъ мѣстѣ, упомянувъ объ изгнаніи еп. Черниговскаго Антонія, сторонника митрополита, лишеннаго каѳедры княземъ Черниговскимъ Святославомъ, нехотѣвшимъ и слышать новаго греческаго ученія о постѣ въ среду и пятокъ, лѣтописецъ прибавляетъ, сочувствуя князю и несочувствуя епископу: «да внимаемъ мы себѣ кождо въ насъ и не противимся закону Божію».

прещеніе на еп. Ѳеодора, повелѣвъ всѣмъ не признавать его епископомъ, не брать у него благословенія. Посланіе при такихъ обстоятельствахъ не могло не подѣйствовать. Духовные и міряне во Владимірѣ и во всей епархіи раздѣлились на двое: одни стояли за Ѳеодора, другіе же перешли на сторону митрополита и начали оказывать Ѳеодору неповиновеніе. Еп. Ѳеодоръ, будучи человѣкомъ гордымъ, вспыльчивымъ и злоупотреблявшимъ расположеніемъ къ нему князя Андрея, распалился гнѣвомъ на непокорныхъ и подвергъ ихъ строгимъ взысканіямъ, о которыхъ съ такими преувеличеніями повѣствуетъ лѣтописецъ, стоявшій очевидно на сторонѣ враговъ Ѳеодора. Борьба епископа съ непокорнымъ духовенствомъ зашла такъ далеко, что Ѳеодоръ рѣшился прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ: отлучилъ непокорныхъ отъ церкви, воспретивъ имъ священно-служеніе, отчего запертыя церкви остались «безъ звоненья и пѣнья.» Затворена была даже соборная церковь Успенія во Владимірѣ, вѣроятно, потому, что протопопъ соборный грекъ Никулица и діаконъ Несторъ. зять его, были на сторонѣ своего единоплеменника митрополита. Дальше терпѣть эти безпорядки было нельзя. Великій князь Андрей, видя, что волненіе въ княжествѣ достигло послѣднихъ предѣловъ, и зная, что епископъ Ѳеодоръ во многомъ не правъ, а главное — желая умиротворить волновавшійся клиръ и народъ во всей сѣверной области, рѣшился отправить епископа Ѳеодора въ Кіевъ на судъ къ митрополиту Константину, не пощадивъ своего избранника для блага церкви и обнаруживъ въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, полное безпристрастіе [1]). Когда епископъ Ѳеодоръ явился

[1]) Проф. Голубинскій предполагаетъ, что выдать Ѳеодора заставило князя то обстоятельство, что Ѳеодоръ не получилъ отъ патріарха права на автокефальную каѳедру и обманулъ князя; впослѣдствіи же это открылось.

къ Кіевскому митрополиту; тотъ предалъ его жестокой казни, расправясь съ нимъ чисто по-византійски.

Такимъ образомъ осуществленіе и этого, казалось бы скромнаго и вполнѣ законнаго желанія великаго князя—учредить въ великокняжеской столицѣ Владимірѣ каѳедру автокефальнаго епископа, съ оставленіемъ митрополичьей каѳедры въ заштатной столицѣ Кіевѣ, пришлось отложить до болѣе благопріятнаго времени. И въ данномъ случаѣ едва ли такъ виновата личность княжескаго избранника епископа Ѳеодора, какъ это изображаютъ пристрастные на этотъ разъ лѣтописцы, а за ними и историки. Главная причина неудачи, какъ видится, состояла въ томъ, что Кіевскій митрополитъ не хотѣлъ допустить отдѣленія изъ-подъ своей власти обширной и доходной области Ростовско-Суздальской: противодѣйствіе митрополита, вѣроятно, поддерживалось и нѣкоторыми князьями, не безъ зависти смотрѣвшими на быстро возрастающее могущество Ростовско-Суздальскаго княжества съ столичнымъ гор. Владиміромъ.

Но то, чего не успѣлъ достигнуть въ дѣлѣ церковнаго благоустройства благовѣрный князь Андрей, желавшій сдѣлать центромъ церковной администраціи великокняжескую столицу въ видахъ параллельнаго, вполнѣ согласнаго, дѣйствія обѣихъ властей—церковной и гражданской, было достигнуто его преемниками, которые хорошо поняли завѣтную мысль Боголюбскаго и при благопріятныхъ обстоятельствахъ умѣли воспользоваться ею на благо и во славу православной церкви на Руси. Мы знаемъ, что позднѣе митрополичья каѳедра была перенесена изъ Кіева во Владиміръ, а отсюда, при митрополитѣ Владимірскомъ и всея Россіи Чудотворцѣ св. Петрѣ, перенесена

въ Москву, бывшую тогда уже столицею великаго князя. Перенесеніе митрополіи съ юга на сѣверъ, въ великокняжескую столицу, не только возстановило и упрочило миръ церковный, но оказало громадную услугу и въ дѣлѣ собиранія Руси подъ одну власть великаго князя.

VI.

Занятый устроеніемъ новой столицы и усиленіемъ и возвышеніемъ своего княжества, Андрей Боголюбскій послѣ смерти отца своего, Юрія Долгорукаго, равнодушно смотрѣлъ на югъ, на его усобицы, на погоню южно-русскихъ князей за столомъ Кіевскимъ. Онъ занятъ былъ всецѣло своей великой задачей—собиранія силъ на сѣверѣ въ своей Ростовско-Суздальской землѣ, которое имѣло у Боголюбскаго и свою опредѣленную цѣль. Убѣжденный опытомъ всей предшествующей жизни, что главная причина слабости Руси въ отсутствіи единой сильной власти, онъ и рѣшилъ создать эту сильную власть великокняжескую на своемъ любимомъ сѣверѣ,—такую власть, которой повиновались бы не только въ землѣ Ростовско-Суздальской, но и во всей Руси. Мы видѣли, какъ онъ цѣлымъ рядомъ мудрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ сильную власть надъ всей Ростовско-Суздальской землей и какъ, находясь подъ этою властію, земля Ростовско-Суздальская быстро росла и укрѣплялась, богатѣла и достигала процвѣтанія. Почувствовавъ въ себѣ силу, Андрей Боголюбскій рѣшилъ простереть власть свою и надъ другими княжествами, чтобы мощнаго слова его слушали и князья Смоленскіе и Черниговскіе, Рязанскіе и Муромскіе, Кіевскіе и Волынскіе и, наконецъ, самъ вольный господинъ великій Новгородъ!

Своимъ мощнымъ словомъ онъ хотѣлъ положить конецъ этимъ вѣчнымъ усобицамъ, этимъ безконечнымъ спорамъ князей изъ-за княжескихъ владѣній, изъ-за чего гибла земля русская. Онъ хотѣлъ поставить выше всѣхъ родовыхъ счетовъ вѣское мощное слово одного великаго князя, который бы могъ безпрепятственно давать князьямъ и отнимать у нихъ удѣлы по своей водѣ.

Всего болѣе была слаба власть князя въ двухъ старинныхъ городахъ Руси—Новгородѣ и Кіевѣ. Въ Новгородѣ царила мѣстная торгово-промышленная аристократія и ни во что ставила власть князя: Новгородцы изгоняли отъ себя князей при малѣйшемъ неудовольствіи и приглашали къ себѣ новыхъ «на всей своей волѣ», какъ выражаются лѣтописцы. При этомъ, изгнаніе сопровождалось часто разграбленіемъ имущества князя. Благодаря этому въ Новгородѣ то и дѣло происходили смуты. Помимо того, что обиженные князья старались мстить Новгородцамъ за свое безчестіе и обиду, смуты происходили и изъ-за вопроса, кто долженъ назначать Новгородцамъ князя: Кіевскій ли князь, или другой сильный князь, отъ котораго они такъ или иначе зависѣли,—кого пригласить въ князья и т. д. Новгородъ въ такихъ случаяхъ раздѣлялся на нѣсколько партій, причемъ каждая партія, отстаивая свои интересы, враждебно относилась ко всѣмъ другимъ, и эта вражда каждый разъ вспыхивала на народныхъ собраніяхъ, которыя всегда оканчивались тамъ «смертнымъ боемъ». Въ XI—XII вѣкѣ въ Русской землѣ установился такой порядокъ, что право владѣть Новгородомъ — назначать туда князей — правителей принадлежало старѣйшему и сильнѣйшему изъ князей — великому князю. Послѣ смерти Юрія Долгорукаго, когда въ Кіевѣ княжилъ Изяславъ

Давидовичъ,—князь, не имѣвшій ни особенныхъ правъ на великокняжескій столъ, ни силъ удержать за собой его,— Андрей Боголюбскій мирволилъ ему и не думалъ пока предъявлять своихъ правъ на Кіевъ. Онъ обратилъ свое вниманіе прежде всего на Новгородъ, въ которомъ тогда шла полнѣйшая безурядица. По обычаю весь Новгородъ раздѣлился на партіи, изъ коихъ каждая желала возвести на княжескій столъ своего кандидата; поэтому князья мѣнялись одинъ за другимъ и въ короткое время ихъ перебывало въ Новгородѣ до пяти. Андрей Боголюбскій въ это время (въ 1160 г.), считая себя старѣйшимъ княземъ, и предъявилъ свои права на Новгородъ. «Да будетъ вамъ вѣдомо», послалъ онъ сказать Новгородцамъ, «что я хочу искать Новгорода добромъ или лихомъ, чтобы вы мнѣ цѣловали крестъ имѣть меня своимъ княземъ, а мнѣ вамъ добра хотѣть» [1]). Это властное слово могущественнаго сосѣда произвело сильное впечатлѣніе на Новгородцевъ: начались частыя вѣча, начались волненія. Новгородцы понимали, что рѣшительно отказать Андрею они не могутъ, но и выполнить его волю имъ казалось обидно. Большая часть Новгородцевъ, ведшая торговлю съ Камскими болгарами и имѣвшая въ Двинской землѣ свои колоніи, не хотѣла ссориться съ Андреемъ Боголюбскимъ, такъ какъ онъ могъ нанести громадные убытки ихъ торговлѣ, прекративъ доступъ Новгородцевъ къ Болгарамъ и запретивъ ввозъ хлѣба изъ Суздальской области, въ которомъ всего болѣе нуждался Новгородъ, какъ дѣлалъ неоднократно еще отецъ его Юрій, желая подчинить себѣ Новгородцевъ. Въ это время княземъ въ Новгородѣ былъ сынъ тогдашняго великаго князя Кіевскаго Святославъ Ростиславовичъ. Онъ княжилъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Давыдомъ, который сидѣлъ въ Торжкѣ. Послѣ

[1]) П. С. Л. II т. 88 стр.

долгихъ споровъ партія приверженцевъ Андрея одержала верхъ. Новгородцы выгнали отъ себя обоихъ князей и обратились къ Андрею съ просьбою, чтобы онъ далъ имъ князя. Желая сломить ихъ непокорство и своеволіе, Андрей рѣшилъ давать имъ князей не тѣхъ, которыхъ они хотѣли, а тѣхъ, какихъ пожелаетъ онъ самъ. Онъ предложилъ имъ сначала въ князья брата своего Мстислава, зная, что Новгородцы воспротивятся всѣми силами противъ этого князя, такъ какъ онъ уже ранѣе княжилъ у нихъ и былъ ими изгнанъ. Дѣйствительно, Новгородцы не пожелали видѣть у себя княземъ Мстислава. Тогда Андрей далъ имъ въ князья племянника своего, сына старшаго брата Ростислава—Мстислава Ростиславича, но уже на такихъ условіяхъ, на какихъ онъ хотѣлъ самъ—«на всей своей волѣ». Не прошло и года, какъ онъ самъ же свелъ отъ Новгородцевъ этого князя, договорился съ Кіевскимъ княземъ Ростиславомъ и посадилъ на Новгородское княженіе опять сына Ростислава Святослава, выговоривъ себѣ за это Двинскую дань. Святославъ княжилъ въ Новгородѣ сравнительно долгое время, но затѣмъ Новгородцы изъ-за чего-то не поладили съ нимъ и выгнали его изъ Новгорода безъ вѣдома Андрея и помимо его воли. Андрей Боголюбскій послалъ сказать Новгородцамъ, что не будетъ имъ другого князя, кромѣ Святослава и оказалъ помощь послѣднему для того, чтобы тотъ занялъ силою свое княженіе («силою мѣстяче»). Святославъ напалъ на Торжокъ, слабое мѣсто Новгородцевъ, а съ запада и юга на Новгородскій пригородъ Луки напали, по приказу Андрея, Полоцкіе и Смоленскіе князья. Дѣло кончилось бы, по обыкновенію тѣмъ, что Новгородцы покорились бы волѣ Андрея и приняли бы Святослава, но на бѣду ввязался въ эту борьбу Андрея съ Новгородомъ новый князь

Кіевскій—Мстиславъ Изяславовичъ, двоюродный племянникъ Андрея, сынъ того Изяслава, съ которымъ такъ долго пришлось бороться отцу Андрея, Юрію Долгорукому. Онъ сталъ на сторону Новгородцевъ, принялъ благосклонно депутацію отъ нихъ въ лицѣ Даниславa Лазутинича, тайкомъ пробравшагося сквозь ополченіе Полочанъ и Смоленцевъ въ Кіевъ, и далъ имъ въ князья сына своего Романа. Этотъ поступокъ Мстислава, нарушавшій права Андрея, признаваемыя прежними Кіевскими князьями, по которымъ онъ, какъ старѣйшій въ родѣ, могъ назначать по своему усмотрѣнію въ Новгородъ князей,—жестоко оскорбилъ Боголюбскаго.

Равнодушный до сихъ поръ къ Кіевскому княженію, онъ теперь предъявилъ свои права и на Кіевъ, какъ старѣйшій въ родѣ и во всякомъ случаѣ имѣвшій на него гораздо болѣе правъ, чѣмъ племянникъ его, Мстиславъ Изяславовичъ. Онъ собралъ громадное ополченіе, состоявшее изъ дружинъ одиннадцати князей и отправилъ его на Кіевъ, подъ начальствомъ старшаго сына своего Изяслава и боярина Бориса Жидиславича. Въ ополченіи участвовали: князья Муромскіе и Рязанскіе, боявшіеся сильнаго сосѣда и совершавшіе еще ранѣе съ дружинами Андрея походы на Болгаръ и Половцевъ,—князья Смоленскіе и Полоцкіе, Черниговскіе и Новгородскіе и, наконецъ братья Андрея—Глѣбъ и Всеволодъ и племянникъ Мстиславъ Ростиславовичъ. Вся эта рать обступила Кіевъ и послѣ недолгой осады взяла городъ въ 1169 г. на второй недѣлѣ поста; Мстиславъ убѣжалъ изъ города, и побѣдители бросились грабить имущество гражданъ. Не обошлось и безъ кровопролитія: Суздальцы мстили теперь Кіевлянамъ за убіеніе ихъ родичей въ Кіевѣ послѣ смерти Юрія Долгорукаго. Цѣлыхъ три дня продолжался грабежъ, го-

родъ былъ пожженъ и разграбленъ «и бысть въ Кіевѣ», говоритъ лѣтописецъ, «стенанія и туга, и скорбь неутѣшная, и слезы непрестанныя, сія же вся содѣяшася грѣхъ нашихъ ради». Андрей Боголюбскій не принималъ участія въ походѣ,—онъ не выѣхалъ изъ Владиміра и послѣ торжественнаго взятія «на копье и щитъ» древней столицы великокняжеской [1]). Онъ отдалъ ее младшему брату своему Глѣбу. Это было верхомъ униженія для Кіева: онъ терялъ свое значеніе столичнаго города и становился въ разрядъ обыкновенныхъ городовъ, гдѣ княжили подручники великаго князя. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ поступокъ Андрея былъ знаменательнѣйшимъ фактомъ въ исторіи древней Руси; отъ него наша исторія принимала новое теченіе, съ него начинался новый порядокъ вещей. Это было не простое перенесеніе великокняжеской столицы съ одного мѣста на другое, это было провозглашеніе новыхъ началъ государственной жизни Руси, выработанныхъ Андреемъ.

Завладѣвши древней столицей великокняжеской и получивши всѣ права великаго князя, онъ могъ простирать свою власть почти надъ цѣлымъ югомъ; оставаясь же княземъ Суздальской земли, онъ сохранялъ въ своихъ рукахъ и ту сильную власть князя, которую онъ создалъ на сѣверѣ.

[1]) Многіе изъ историковъ во главѣ съ Костомаровымъ усиленно сгущаютъ краски и безъ того яркія у лѣтописца, враждебнаго Суздальцамъ, описывая разграбленіе Кіева Суздальскими дружинами, и готовы поставить насилія Суздальцевъ въ вину Андрею Боголюбскому. Но во-1-хъ, Андрей не былъ повиненъ въ жестокостяхъ Суздальцевъ, уже потому, что онъ самъ лично не былъ въ походѣ противъ Кіева, во-2-хъ, Суздальцы здѣсь мстили Кіевлянамъ за смерть своихъ родственниковъ, убитыхъ Кіевлянами послѣ смерти Юрія,—не нужно забывать, что законы родовой мести были слишкомъ еще живы и дѣйствовали почти во всей своей силѣ въ половинѣ XII вѣка.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отдѣлилъ отъ мѣста самый титулъ великаго князя и соединенныя съ этимъ права, которыя ранѣе были неразрывно связаны съ Кіевскимъ княженіемъ. Прежде князь, добившійся Кіева, оставлялъ свое прежнее княженіе родичамъ, теперь Андрей сосредоточилъ въ однихъ своихъ рукахъ сильную власть, какъ надъ югомъ, такъ и надъ сѣверомъ.

Ослабивши Кіевъ, онъ обратилъ свое вниманіе на Новгородъ и отправилъ туда тѣ же войска, что были подъ Кіевомъ, чтобы укротить своеволіе Новгородцевъ. Нарушать права и не такого могущественнаго князя, какъ Андрей Боголюбскій, нельзя было безнаказанно, между тѣмъ какъ Новгородцы не только преступили крестное цѣлованіе, данное ими Андрею, выгнавъ его подручника, Святослава и посадивъ противъ его воли князя Романа, но вмѣстѣ съ этимъ княземъ напали на Суздальскія дружины въ Двинской области и собрали двойную дань съ Суздальцевъ, жившихъ тамъ вмѣстѣ съ Новгородцами. Андрей рѣшилъ наказать ихъ такъ же, какъ и своевольныхъ Кіевлянъ. «Нельзя, разсуждаютъ лѣтописцы, по этому поводу оправдывать Новгородцевъ... развѣ передніе князи велѣли имъ преступать крестъ и соромлять своихъ внуковъ или правнуковъ, цѣловать имъ крестъ и послѣ измѣнять присягѣ? Злое невѣрстіе въ нихъ вкоренилось. До которыхъ поръ Богу терпѣть надъ ними? Вотъ и навелъ онъ наказаніе на нихъ рукою благовѣрнаго князя Андрея»[1]).

Новгородцы увидали свою бѣду неминучую; уже въ трехъ церквахъ плакала икона Богородицы, предвѣщая всѣмъ горе. Дѣйствительно, въ слѣдующемъ же году къ

[1]) П. С. Л. II т. 161 стр.

Новгороду подступили дружины Андрея и его союзниковъ подъ начальствомъ того же боярина Бориса Жидиславича. Самъ Андрей не участвовалъ въ походѣ. Началась правильная осада Новгорода. Новгородцы сильно укрѣпили стѣны города, ворота и башни. Суздальцы были вполнѣ увѣрены въ побѣдѣ и уже въ умѣ своемъ дѣлили между собою Новгородскія улицы. Но у Новгородцевъ былъ сильный защитникъ, сильный не физическими силами, но силами духовными, силою горячей молитвы. Это былъ еп. Новгородскій Іоаннъ, славившійся своими духовными подвигами. Благочестивое преданіе сообщаетъ, что въ то время, какъ его соотечественники бились на стѣнахъ города, проливая кровь и принимая смерть, Іоаннъ три дня молился, чтобы Господь отвратилъ праведный гнѣвъ свой отъ Новгорода. Молитва его была услышана. Онъ получилъ указаніе свыше—идти въ Ильинскую улицу, взять тамъ въ церкви икону Божіей Матери и идти съ нею къ стѣнамъ города съ крестнымъ ходомъ. Еп. Іоаннъ объявилъ о своемъ откровеніи Новгородцамъ и устроенъ былъ крестный ходъ съ вышеуказанной чудотворной иконой на стѣны города. Лишь только показалась икона на забралѣ около городскихъ воротъ, какъ совершилось чудо. Суздальцевъ облекъ какъ бы какой-то туманъ и они въ смятеніи начали убивать другъ друга и наконецъ обратились въ бѣгство. Новгородцы, ободренные помощью свыше, бросились за ними въ погоню, захватили ихъ обозъ и наловили столько плѣнныхъ, что Суздальцевъ въ Новгородѣ продавали за безцѣнокъ,—по двѣ ногаты за человѣка [1]). Такъ Новгородцы чудесно избавились отъ грозившей имъ

[1]) Въ гривнѣ серебра двадцать ногатъ. Гривна равнялась 1½ рублямъ, слѣдовательно двѣ ногаты стоили пятнадцать копѣекъ.

бѣды, благодаря молитвамъ своего благочестиваго епископа Іоанна и чудесному заступленію Божіей Матери, коей установлено въ честь этого чуда празднованіе 27 ноября, а самая чудотворная икона получила названіе Знаменской.

Но эта чудесная побѣда не умалила силы Андрея Боголюбскаго надъ Новгородомъ. «Онъ и побѣжденный остался побѣдителемъ», какъ говоритъ Погодинъ. Новгородцы понимали, что эта чудесная побѣда только спасла Новгородъ отъ наказанія, но нисколько не избавила ихъ отъ власти великаго князя Андрея Боголюбскаго.

Для того чтобы заставить Новгородцевъ безпрекословно повиноваться себѣ, Андрей Боголюбскій прибѣгнулъ къ обычному средству усмирять Новгородъ, практиковавшемуся еще отцомъ его Юріемъ, наиболѣе чувствительному для Новгородцевъ: онъ прекратилъ подвозъ хлѣба въ Новгородъ изъ подвластныхъ ему княжествъ Суздальскаго и Смоленскаго, и въ Новгородѣ настала страшная дороговизна хлѣба. Кадь ржи продавалась по 4 гривны серебр. (6 руб.), хлѣбъ по двѣ погаты (около 15 коп.). Новгородцы волей-неволей должны были покориться Андрею. Они изгнали своего князя Романа и стали просить у Боголюбскаго такого князя, какого онъ захочетъ имъ дать. Андрей далъ имъ въ князья Рюрика Ростиславича, брата умершаго Святослава, изъ-за котораго и началась война у Новгородцевъ съ Андреемъ Боголюбскимъ. Мало того, что онъ давалъ Новгородцамъ въ князья кого хотѣлъ, онъ оказывалъ вліяніе и на выборы посадниковъ Новгородскихъ, этихъ представителей Новгорода, всегда избиравшихся Новгородцами «на всей ихъ волѣ». Такъ, въ слѣдующемъ году Рюрикъ Ростиславичъ не поладилъ почему то съ посадникомъ Новгородскимъ Жирославомъ,

преданнымъ Боголюбскому, лишилъ его посадничества и тотъ обратился съ жалобой къ Андрею. А. Боголюбскій немедленно велѣлъ Новгородцамъ изгнать отъ себя князя Рюрика, и принять къ себѣ снова посадника Жиславля и далъ имъ въ князья одного изъ младшихъ сыновей своихъ—Юрія. Такъ велико было могущество великаго князя Андрея Боголюбскаго! Цѣлымъ рядомъ дальновидныхъ и рѣшительныхъ дѣйствій онъ въ одномъ лицѣ своемъ сосредоточилъ власть надъ южною и сѣверною Русью, надъ Кіевомъ и Новгородомъ, надъ сильною и богатою землею Ростовско-Суздальскою, которая всецѣло была обязана ему своимъ процвѣтаніемъ; его слову были покорны князья Муромскіе и Рязанскіе, Полоцкіе и Смоленскіе...

Но эта власть была вмѣстѣ съ тѣмъ и тяжелымъ бременемъ для Андрея. Тогда на Руси еще не умѣли цѣнить этой сильной власти. Князья были слишкомъ преданы своимъ личнымъ интересамъ, заняты были слишкомъ своими родовыми правами, никто изъ нихъ не умѣлъ согласить своихъ частныхъ личныхъ выгодъ и правъ съ общими выгодами и правами. И Андрея Боголюбскаго ожидали тяжелыя испытанія.

Братъ Андрея Глѣбъ Юрьевичъ, посаженный въ Кіевѣ княземъ, не долго княжилъ въ униженной столицѣ,—онъ скоропостижно скончался и его мѣсто, безъ разрѣшенія Боголюбскаго, занялъ Владиміръ Мстиславичъ, князь Дорогобужскій дядя Смоленскихъ князей Ростиславичей, но Андрей властно приказалъ ему немедленно выѣхать изъ Кіева и отдалъ Кіевъ Роману Ростиславичу, князю кроткому и покорному волѣ его, послалъ сказать Ростиславичамъ: «вы нарекли меня отцомъ, и я хочу вамъ добра; я даю Кіевъ Роману, вашему брату». И по слову Андрея

Романъ сдѣлался княземъ Кіевскимъ. Но не прошло и года, какъ между Ростиславичами и Боголюбскимъ произошли недоразумѣнія. До князя Андрея дошелъ слухъ, что братъ его Глѣбъ умеръ не своею смертью, а былъ изведенъ Кіевскими боярами. Молва, по всей вѣроятности близкая къ истинѣ, указывала даже и виновниковъ этой насильственной смерти Глѣба—какого-то боярина Григорія, Степанца и Олексу Святославича. Андрей рѣшилъ немедленно наказать убійцъ брата и потребовалъ отъ Романа выдачи ихъ. Нерѣшительный Романъ, встрѣтивъ сильную оппозицію въ средѣ мѣстныхъ бояръ, защищавшихъ безъ сомнѣнія своихъ друзей, не исполнилъ воли Андреевой и далъ возможность скрыться подозрѣваемымъ въ преступленіи боярамъ. Этотъ поступокъ Романа, мирволившаго мѣстнымъ боярамъ, вызвалъ сильное неудовольствіе въ Андреѣ, который увидалъ, что на Романа и Ростиславичей полагаться нельзя. Онъ послалъ сказать имъ свое властное слово: «ты, Романъ, не ходишь въ моей волѣ съ братьею своею, иди же изъ Кіева, а Давидъ изъ Вышгорода, Мстиславъ изъ Бѣлогорода. Ступайте въ Смоленскъ и тамъ дѣлитесь между собою. Кіевъ я отдаю брату Михаилу». «Такъ былъ силенъ Андрей», замѣчаетъ по этому поводу историкъ [1]), что одного своего слова считалъ достаточнымъ, дабы выслать многихъ князей изъ ихъ княжествъ и произвести совершенно новое между ними размѣщеніе». И дѣйствительно, Романъ безпрекословно повиновался ему и уѣхалъ изъ Кіева въ Смоленскъ, но другіе Ростиславичи обидѣлись,—они хотѣли оправдаться передъ Андреемъ и отправили съ этою цѣлію пословъ къ нему; но не дождавшись отвѣта, они попытались силою завладѣть Кіевомъ. Они напали ночью на городъ, захватили

[1]) Погодинъ. Р. Истор. т. 1.

тамъ Всеволода, младшаго брата Андрея Боголюбскаго, который пріѣхалъ сюда вмѣсто брата Михаила, и сдѣлали Кіевскимъ княземъ Рюрика Ростиславича. Это явное неповиновеніе Ростиславичей своему дядѣ, старшему великому князю, еще болѣе увеличило неудовольствіе въ Андреѣ противъ нихъ и онъ послалъ своего мечника Михна сказать Ростиславичамъ: «вы не поступаете по моей волѣ, за это ты, Рюрикъ, ступай въ Смоленскъ къ брату въ свою отчину, а ты, Давидъ, ступай въ Берладъ, а Мстиславу скажи такъ: «ты всему зачинщикъ—я не велю тебѣ быть въ Русской землѣ».

Ростиславичи выслушали грозную рѣчь отъ посла Андреева и всего болѣе вызвала она гнѣвъ въ Мстиславѣ, который по характеру своему отличался наибольшею смѣлостью и, по словамъ лѣтописца «отъ юности своей не привыкъ уполошится никого же, кромѣ Бога». Онъ вышелъ изъ себя и въ гнѣвѣ, желая оскорбить Андреева посла, велѣлъ остричь ему бороду и голову и въ такомъ видѣ послалъ его къ Андрею, сказавъ: «иди теперь къ своему князю и донеси ему: мы считали его до сихъ поръ отцемъ себѣ, по любви; но если онъ прислалъ тебя съ такими рѣчами ко мнѣ, не какъ къ князю, а какъ къ подручнику и простому человѣку, то я не хочу знать его. Что умыслилъ онъ, то пусть и дѣлаетъ, а Богъ всему судья!»

Можно себѣ представить огорченіе Андрея при видѣ обруганнаго и обезчещеннаго посла, вѣрнаго слуги мечника Михны. Въ словахъ и поступкахъ смѣлаго Мстислава было уже не простое неповиновеніе, а дерзкая обида и оскорбленіе. И Андрей, по сказанію южнаго лѣтописца, съ большимъ сочувствіемъ относящагося къ Мстиславу,

«ражьгся гнѣвомъ» и измѣнился въ лицѣ, «взострися на рать и бысть готовъ» [1]). Онъ рѣшилъ наказать непокорнаго ему племянника По его слову быстро собрались ополченія Ростовцевъ и Суздальцевъ, Владимірцевъ и Переславцевъ, Бѣлозерцевъ, Муромцевъ и Рязанцевъ, къ нимъ присоединились и Новгородскіе полки подъ начальствомъ сына Андрея, Юрія. Андрей самъ не пошелъ въ походъ; онъ послѣ похода на Болгаръ въ 1164 году больше не принималъ лично участія ни въ одной битвѣ,— всѣ войска онъ поручилъ предводительству испытаннаго полководца Бориса Жидиславича и велѣлъ дружинникамъ выгнать непокорныхъ князей Рюрика и Давида Ростиславичей, изъ ихъ отчины, а «Мстислава, говоритъ Андрей, возьмите; ничего ему не дѣлайте, а привезите его ко мнѣ.» По приказанію Андрея на дорогѣ къ Кіеву къ его дружинамъ пристали князья Полоцкіе, Пинскій, Туровскій и Городенскій; потомъ Ольговичи съ полками Черниговскимъ и Новгородсѣверскимъ, —братья Андрея и племянники его, княжившіе въ южной Руси, даже Романъ Смоленскій долженъ былъ идти противъ братьевъ своихъ, боясь Андрея. Всѣ эти ополченія, изгнавши Рюрика изъ Кіева, Давида изъ Бѣлгорода направились, главнымъ образомъ, на Вышгородъ, гдѣ затворился смѣлый Мстиславъ. Цѣлыхъ девять недѣль шла осада, но затѣмъ рвеніе въ дружинахъ, присланныхъ Андреемъ противъ ихъ воли, ослабѣло; начались раздоры между князьями, которыхъ некому было прекращать безъ Андрея. Нѣкоторые изъ князей изъ-за этихъ раздоровъ перешли на сторону Мстислава, который между тѣмъ не унывалъ, и, пользуясь распрями предводителей, дѣлалъ смѣлыя вылазки. Наконецъ, дружины одна за другой начали расходиться по домамъ, не имѣя личныхъ

[1]) П. С. Л. 1 т. 109 стр.

интересовъ сражаться съ Мстиславомъ, а Мстиславъ, пользуясь слабостью и трусостью отступавшихъ дружинъ, напалъ на обозъ ихъ, отбилъ у нихъ его и захватилъ нѣсколько плѣнныхъ.

Такъ кончился неудачей этотъ походъ князей противъ Мстислава. Южнорусскій лѣтописецъ, не сочувствовавшій Андрею Боголюбскому въ его стремленіяхъ къ единовластію, а напротивъ съ явною любовію описывавшій «храбрые» поступки Мстислава, приписываетъ причину неуспѣха похода гордости и похвальбѣ князя Андрея и такъ отзывается объ этомъ неуспѣхѣ: «Андрей князь толикъ умникъ сы, во всѣхъ дѣлѣхъ добль сы и погуби смыслъ свой невоздержаньемъ, ражьгся гнѣвомъ... Богови студна и мерьзка хвала и гордость; си бо вся быша отъ дьявола на ны, иже въсѣваетъ въ сердце наше хвалу и гордость»[1]), заканчиваетъ онъ свою сентенцію, не понимая государственныхъ идей князя.

Тяжело было переносить эту неудачу Боголюбскому... Впрочемъ это сопротивленіе Ростиславичей волѣ Андреевой, такъ же, какъ и побѣда Новгородцевъ надъ Суздальцами въ 1169 г. не умалили власти великаго князя Андрея надъ Кіевомъ. Когда улеглось первое раздраженіе, когда стихла страсть, Ростиславичи одумались и почувствовали свою неправоту предъ Андреемъ. Они смирились предъ нимъ и послали новое посольство къ нему просить Кіевскаго княженія для кроткаго и всегда покорнаго Андрею князя Романа. Андрей Боголюбскій былъ доволенъ ихъ повинной, но не желая ронять своего достоинства, нѣсколько замедлилъ отвѣтомъ. «Подождите, передалъ онъ Ростиславичамъ чрезъ посла,—я послалъ къ

[1]) П. С. Л. т. II-й подъ 1173 г.

братьямъ въ Русь (вѣроятно, предлагая кому нибудь изъ нихъ Кіевское княженіе). «Когда будетъ вѣсть отъ нихъ, я дамъ отвѣтъ»... Но отвѣта ему давать не пришлось: его постигло семейное горе, а затѣмъ дни его пресѣкла мучительная, насильственная смерть, которая нанесена была ему рукою нѣкогда близкихъ и любимыхъ имъ людей, на коихъ онъ болѣе всего полагался.

VII.

Одновременно съ огорченіями, причиненными твердому волей и неумѣвшему отступать отъ разъ намѣченной цѣли, Великому князю Андрею непокорными ему князьями, онъ долженъ былъ перенести цѣлый рядъ горестей въ личной семейной жизни. Андрей Боголюбскій не былъ счастливымъ семьяниномъ: изъ четырехъ сыновей его, получившихъ прекрасное воспитаніе въ домѣ отца и отличавшихся необыкновенными дарованіями, лишь одинъ Юрій [1]) пережилъ отца своего, а остальные три: Изяславъ, Мстиславъ и Глѣбъ были похищены смертью въ цвѣтѣ мужества и силы одинъ за другимъ при жизни Андрея [2]).

[1]) Судьба этого Юрія замѣчательна. Изгнанный Новгородцами и лишенный княженія у нихъ, онъ удалился въ Грузію и сдѣлался супругомъ знаменитой Грузинской царицы Тамары. Огорчивши ее чѣмъ-то, онъ лишился ея любви, былъ удаленъ изъ Грузіи и скончался, неизвѣстно гдѣ.

[2]) По сказанію житія у Андрея Боголюбскаго былъ еще сынъ Владиміръ, но въ лѣтописяхъ онъ, равно какъ и младшій сынъ Глѣбъ, нигдѣ не упоминается. Кромѣ этого, изъ лѣтописей видно, что у Боголюбскаго была дочь Верхуслава, выданная замужъ въ 1159 г. за Вщижскаго удѣльнаго князя Святослава Владиміровича.

Старшіе сыновья его Изяславъ и Мстиславъ, выросшіе въ періодъ пребыванія Боголюбскаго на югѣ, во время господствованія тамъ междоусобій, и воспитанные подъ вліяніемъ тревогъ походной жизни, вышли суровыми воинами, храбрыми въ битвахъ, князьями—витязями, для которыхъ воинскіе походы и предводительство дружинами было самымъ любимымъ дѣломъ. Лѣтописцы русскіе, особенно цѣнившіе эти качества въ древнихъ князьяхъ, съ любовію передаютъ въ своихъ лѣтописяхъ о всѣхъ ратныхъ подвигахъ доблестныхъ сыновей Андрея Боголюбскаго—Изяслава и Мстислава. Изъ ихъ сказаній извѣстно, что Изяславъ участвовалъ во всѣхъ тѣхъ походахъ, какіе считалъ нужнымъ предпринять князь Андрей для блага своего княжества: онъ предводительствовалъ отцовскими дружинами въ походѣ противъ Черниговскаго князя Святослава Олеговича, посланный Андреемъ для защиты князя Вщижскаго, зятя Андрея Боголюбскаго; затѣмъ, по порученію отца, онъ вмѣстѣ съ другими князьями въ 1162 г. участвовалъ въ походѣ противъ половцевъ и наконецъ въ 1162 г. вмѣстѣ съ отцемъ предводительствовалъ дружинами въ знаменитомъ походѣ противъ Камскихъ Болгаръ. Возвратившись изъ этого побѣдоноснаго похода, Изяславъ заболѣлъ и померъ 28 октября 1164 г. [1]), омрачивъ своей смертью радость побѣды. Андрей сильно любилъ этого сына, который, по своимъ доблестямъ, напоминалъ ему его самого въ молодости, и горько оплакивалъ его кончину: «и плакася по немъ, говоритъ лѣтописецъ, князь Андрей, отецъ его, и братъ его Мстиславъ и тако положиша его въ церкви святыя Богородицы въ

[1]) По Лаврент. лѣтоп. онъ скончъ. 28 октября 1165 г., по Воскресенской 28 сентября 1164 г., по Ипатьевской, въ которой хронологія всегда вѣрнѣе,—28 октября 1164 г.

Володимери *съ плачемъ великимъ*». Построивъ великолѣпный храмъ Успенія и назначивъ его княжеской усыпальницей, Андрей не ожидалъ, что ему придется здѣсь хоронить прежде всѣхъ своего любимаго сына, бывшаго тогда въ цвѣтѣ мужества и силы. [1]) По смерти Изяслава, Боголюбскій перенесъ свои надежды на другого своего доблестнаго сына Мстислава. Не принимая участія ни въ одномъ походѣ, кромѣ болгарскаго, послѣ переселенія во Владиміръ съ 1157 года Андрей поручилъ теперь, за смертію Изяслава, предводительство своими дружинами Мстиславу и онъ является покорнымъ исполнителемъ воли своего отца, ведя дружины его для взятія Кіева въ 1169 г., въ слѣдующемъ 1170 г. уже сражается подъ стѣнами Новгорода и въ 1172 г. предпринимаетъ новый походъ противъ Болгаръ, бывшій особенно труднымъ по случаю зимняго времени. Мстиславъ вернулся изъ этого похода больной и, недолго поболѣвъ, скончался 28 Марта 1172 г. къ великому огорченію отца своего. Смерть его горько оплакивалъ не только Андрей Боголюбскій, лишившійся въ немъ твердой опоры, но и вся земля Суздальская [2]), въ лицѣ его видѣвшая достойнаго преемника великому князю Андрею. Оставшіеся въ живыхъ сыновья его—Георгій, бывшій княземъ Новгородскимъ, и Глѣбъ,

[1]) Гробница этого доблестнаго князя сохраняется до сихъ поръ въ Успенскомъ соборѣ. На ней лежитъ тяжелый шлемъ и нѣсколько стрѣлъ (дротиковъ) длиной болѣе 2-хъ аршинъ каждая, принадлежавшихъ Изяславу и положенныхъ на его гробницу послѣ его смерти.

[2]) Гробница его находится близъ сѣверныхъ дверей въ Успенскомъ соборѣ. Есть извѣстіе, что Андрей Боголюбскій надъ гробомъ своего мужественнаго сына поставилъ мраморную статую, которая, къ сожалѣнію, не сохранилась до нашихъ дней. См. «О началѣ Владиміра «И. Дмитріевскаго стр. 135-ю.

жившій у отца,—оба были молоды. По смерти Мстислава Андрей Боголюбскій всю любовь свою сосредоточилъ на младшемъ сынѣ—Глѣбѣ. Этотъ князь, родившійся во Владимірѣ въ 1155 г. и выросшій здѣсь среди мирной и плодотворной дѣятельности Андрея,—былъ вполнѣ достоинъ этой любви. Онъ былъ идеальнѣйшимъ изъ древнерусскихъ князей и, причисленный къ лику святыхъ, прославленъ за гробомъ отъ Бога чуднымъ нетлѣніемъ. Воспитанный отцомъ своимъ въ духѣ глубокой религіозности, онъ былъ живымъ воплощеніемъ всѣхъ лучшихъ чертъ высоко-нравственнаго характера самого Боголюбскаго. Живыя сѣмена христіанскаго ученія, подкрѣпляемыя наглядными примѣромъ благочестивой жизни отца его, глубоко западали въ воспріимчивую душу щедро одареннаго отъ природы юнаго князя Глѣба и принесли плодъ сторицею. Это былъ юноша «не отъ міра сего»: кроткій, благоговѣйный, милосердый къ бѣднымъ, юный Глѣбъ не терзался честолюбіемъ, какъ всѣ тогдашніе князья, не добивался княжескаго стола, не заботился о славѣ ратной и, живя все время съ отцомъ своимъ, не участвовалъ въ воинскихъ походахъ вмѣстѣ съ братьями своими, считая для себя счастіемъ посѣщать каждодневно великолѣпные храмы, построенные отцемъ его и присутствовать при богослуженіи. За эти высокія душевныя качества онъ и былъ особенно любимъ всѣми и наиболѣе всѣхъ отцемъ своимъ Андреемъ Боголюбскимъ.

И вотъ, едва прошло два года со времени смерти Мстислава, какъ неумолимая смерть похитила и этого безгранично любимаго Андреемъ сына, едва достигшаго 20 лѣтъ отъ роду. Великаго князя на ту пору не было во Владимірѣ: онъ по дѣламъ управленія уѣхалъ въ Суздаль,—какъ вдругъ 20 іюня къ нему пришла печальная

вѣсть о безвременной кончинѣ и этого любимаго сына. Вѣсть эта, какъ громъ, поразила несчастнаго отца, лишившагося въ умершемъ сынѣ надежды и опоры. Онъ поспѣшилъ во Владиміръ и здѣсь послѣ «сильнаго плача», устроилъ пышныя похороны почившему князю. Неутѣшное горе великаго князя раздѣляли и всѣ жители Владиміра, въ особенности нищіе и убогіе, которые потеряли въ юномъ Глѣбѣ своего заступника и кормильца. Удрученный этой новой семейной потерей, снѣдаемый горемъ и тоской, Андрей Боголюбскій покинулъ Владиміръ и всѣ дѣла свои, удалился въ Боголюбовъ, и здѣсь, въ уединеніи дворца, соединеннаго съ Богородичнымъ храмомъ, въ молитвѣ и слезахъ, рѣшилъ пережить первые дни жгучей горести о безвременно скончавшемся сынѣ своемъ. Не чувствовалъ онъ, что давно собиравшіяся противъ него тучи на горизонтѣ сгустились и что ему самому готовится гибель злобными врагами его, коихъ оказалось у него много и которые всюду окружали его....

Откуда же взялись враги эти?

Мы видѣли, что въ началѣ своего самостоятельнаго княженія въ Ростовско-Суздальской землѣ, послѣ смерти Юрія Долгорукаго, Андрей Боголюбскій для возвышенія и усиленія власти князя долженъ былъ вступить въ борьбу съ сильными боярами и дружинниками старѣйшихъ городовъ Ростова и Суздаля. Съ цѣлію ослабить силу и значеніе боярскаго сословія и дружины онъ перенесъ и самый княжескій столъ изъ Ростова и Суздаля во Владиміръ, населеніе котораго было ему всецѣло предано. И въ самомъ Владимірѣ онъ старался по возможности отстранить отъ власти самовольныхъ бояръ и дружинниковъ. Онъ создалъ новое служилое сословіе изъ людей всецѣло

ему преданныхъ, которыхъ онъ привязалъ къ себѣ и подарками, и жалованьемъ, и раздачей имъ правительственныхъ должностей — посадниковъ, тіуновъ, волостелей и т. п. [1]). Составъ этого новаго служилаго сословія, созданнаго Андреемъ Боголюбскимъ, былъ самый разнообразный. Великій князь Андрей возвышалъ около себя только такихъ людей, коихъ онъ считалъ всецѣло преданными себѣ, не смотря при этомъ на происхожденіе: это были большею частію его ближайшіе слуги, «молодые люди», «отроки» и «дворяне», состоявшіе при дворѣ князя и успѣвшіе своими *личными* заслугами снискать къ себѣ довѣріе князя. Въ числѣ этихъ «дворянъ» мы видимъ и боярскихъ дѣтей—Кучковичей, связанныхъ съ княземъ узами родства, и иностранца восточнаго человѣка Ясина Анбала [2]) и неизвѣстнаго тоже званія Кіевлянина Кузьму и Прокофья и даже какого-то Ефрема Моизича, вѣроятно, изъ крещеныхъ евреевъ. Возвышая этихъ людей до себя, давая имъ для кормленія села и города, Андрей былъ вполнѣ увѣренъ въ полной ихъ покорности его волѣ и въ полной ихъ преданности князю, и благодаря этому, онъ и могъ дѣйствовать въ Ростовско-Суздальской землѣ вполнѣ самовластно, тѣмъ болѣе, что посадское населеніе и вообще низшіе классы Ростовско-Суздальской земли были вполнѣ преданы ему. Такая политика князя Андрея не нравилась боярамъ и дружинникамъ, которые видѣли въ этомъ

[1]) Что должности посадниковъ и тіуновъ и пр. были заняты любимцами князя «изъ отроковъ и дѣтскихъ» т.-е. ближайшихъ слугъ князя, видно изъ того, что всѣ они были перебиты дружинниками и боярами, врагами Андрея, въ своихъ волостяхъ послѣ смерти Боголюбскаго. См. Ипат. л. подъ 1174 г.

[2]) Ясы—народъ Кавказскаго происхожденія; думаютъ, что это Кабардинцы.

нарушеніе своихъ правъ и тѣмъ болѣе негодовали на Андрея, что при этомъ терпѣли и ихъ личные матеріальные интересы. Свое неудовольствіе выражали прежде всего бояре Ростовскіе и дружинники Суздальскіе. Выше было сказано, что они съ негодованіемъ смотрѣли на возвышеніе города Владиміра, и на всѣ начинанія великаго князя, клонившіяся къ усиленію княжеской власти, такъ что Андрей долженъ былъ наиболѣе враждебныхъ себѣ выслать изъ Ростовско-Суздальской земли вмѣстѣ съ братьями своими. Съ усиленіемъ и возвышеніемъ города Владиміра сюда переселились и многіе изъ старыхъ бояръ и дружинниковъ, которые и здѣсь попытались завести старые порядки. Андрей, дабы избавиться отъ ихъ вмѣшательства и вліянія, окружилъ себя отроками изъ «сходцевъ» и началъ проводить большую часть своего времени въ новосозданномъ имъ Боголюбовѣ, гдѣ у него былъ выстроенъ прекрасный дворецъ вблизи самаго храма. Начали негодовать на это и Владимірскіе бояре. Лѣтописецъ прямо сообщаетъ это въ такихъ выраженіяхъ: «мнози негодоваху о томъ, яко оставя градъ (т.-е. Владиміръ) и часто въ Боголюбовѣ въ монастыре томъ пребываше, также и къ Св. Спасу на купалище по вся дни прихождаше, ловы бо всегда творяше въ той странѣ и на купалищи приходя прохлаждашеся и о семъ болярамъ его многа скорьбь бысть; онъ же не повелѣ имъ издити съ собою, но особно повелѣлъ имъ утѣху творити, идѣже имъ годно, самъ же съ маломъ (числомъ) отрокъ своихъ прихождаше ту [1]). Это отчужденіе отъ самовластныхъ бояръ, эта самостоятельность Андрея, а главное возвышеніе «отроковъ», «дворянъ», меньшихъ людей «изъ сходцевъ» и были причиной тому, что всеобщая къ нему любовь бояръ и

[1]) П. С. Л. XV, 251 стр.

дружинниковъ обратилась къ нему въ ненависть. Бояре увидали, что ихъ надежды на богатое кормленіе не оправдались, что самовластію ихъ грозитъ конецъ, и они рѣшили избавиться отъ могущественнаго и ненавистнаго имъ князя и составили заговоръ противъ Андрея съ цѣлію лишить его жизни. Читая въ лѣтописяхъ сказаніе объ убіеніи князя Андрея [1]), можно видѣть, что заговоръ противъ жизни великаго князя составился не вдругъ, что злодѣяніе подготовлялось и обдумывалось боярами заранѣе и совершено было помощію людей, близкихъ Андрею, но измѣнившихъ ему подъ вліяніемъ враговъ князя, бояръ Владимірскихъ. Во главѣ исполнителей заговора были братья жены Боголюбскаго, боярскія дѣти Кучковичи, которыхъ Андрей всегда любилъ, съ которыми совѣтовался во всѣхъ важныхъ случаяхъ своей жизни [2]). Это отчуж-

[1]) Сказаніе объ убіеніи Андрея, составленное современникомъ князя, по вѣроятному предположенію проф. Корсакова, Кіевлянином Кузьмою, помѣщено въ Ипат. лѣтописи подъ 1174 г. позднѣйшая редакція этого сказанія со многими добавленіями находится въ Тверской лѣтописи, относимой къ началу XVI в. См. П. С. Л. XV стр. 250—250 стр.

[2]) Лѣтописцы неясно и нѣсколько разнорѣчиво представляютъ намъ начало заговора. Ипат. лѣтопись передаетъ дѣло такъ, что Андрей *за что-то* казнилъ Петра Кучковича: братъ Петра, Якимъ Кучковичъ въ злобѣ на Андрея за брата и составилъ заговоръ, погубившій князя. Позднѣйшая Тверская лѣтопись считаетъ виновниками убійства князя также бояръ Кучковичей, но прибавляетъ едва ли вѣроятную подробность, что это убійство совершено было «по наученію Андреевои княгини». «Бѣ бо болгарка родомъ, говоритъ лѣтописецъ, и дръжаше къ нему злую мысль, не про едино зло, но и за то, что князь великій много воева на болгарскую землю, и сына посыла и много зла учини болгарамъ: и жалованіеся на нь въ тайнѣ Петру,—Кучкову зятю (?); предъ симъ же днемъ поима князь великій Андрей

деніе въ послѣднее время Андрея отъ старыхъ бояръ, вѣроятно, касалось и Кучковичей, и всего болѣе было чувствительно для нихъ, такъ какъ они считали себя правою рукою великаго князя. Обиженные этимъ они перешли на сторону враговъ князя. Андрей зналъ о заговорѣ, подозрѣвалъ и нѣкоторыхъ заговорщиковъ. На это прямо указываетъ Ипат. лѣтопись: «князь Андрей, говоритъ лѣтописецъ, слышалъ ранѣе, что ему убійствомъ угрожаютъ враги, но разгорѣлся духомъ божественнымъ и ни малѣйшаго не обратилъ вниманія, говоря: Господа Бога моего Вседержителя и Творца возлюбленные его люди пригвоздили на крестѣ со словами: да будетъ кровь его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ». Но узнавъ, объ измѣнѣ и злыхъ умыслахъ одного изъ Кучковичей Петра, Андрей былъ сильно возмущенъ: онъ приказалъ схватить его и казнить. Тогда остальные единомышленники, боясь подвергнуться той же участи, поспѣшили привести давній заговоръ въ исполненіе. Преступленіе совершилось въ Боголюбовскомъ дворцѣ въ ночь на 30-е іюня 1174 года. Когда Андрей Боголюбскій, удрученный горемъ по любимомъ сынѣ, пребывалъ въ Боголюбовѣ, злодѣи воспользовались уединеніемъ великаго князя и малымъ числомъ бывшихъ около него тѣлохранителей. Въ пятницу 28-го числа они собрались у Петра Кучкова зятя и составили планъ убійства,

и казни его (кого?). Въ праздникъ же сей пьющимъ имъ Кучковичемъ у Петра, зятя ихъ» и пр. согласно съ Ипат. Это сказаніе Тверской лѣтописи очевидно пользуется народнымъ преданіемъ объ участіи жены Андрея Улиты Кучковны въ убійствѣ мужа, неизвѣстно, на какомъ основаніи обращая ее въ болгарку. Въ этомъ прибавленіи Тверской лѣтописи важно то, что Андрей предвидѣлъ, очевидно, заговоръ и предупредилъ его, казнивъ Петра Кучковича. Но онъ не зналъ, что заговорщиковъ много, что они живутъ около него и есть его ближайшіе слуги.

подкупивъ заранѣе ближайшихъ слугъ его и ключника Ясина Анбала и крещенаго еврея Ефрема Моизича, людей облагодѣтельствованныхъ княземъ, но самой низкой нравственности, готовыхъ за деньги все продать. Въ Петровъ день послѣ пиршества на именинахъ Петра Кучкова зятя, заговорщики, какъ только настала ночь, въ количествѣ двадцати человѣкъ, съ оружіемъ въ рукахъ, пробрались къ княжескому двору, перебили сторожей и достигли уже спальни князя. Но вдругъ всѣхъ убійцъ обуялъ невольный ужасъ: трепеща, они бросились внизъ и, по приглашенію ключника Анбала, очутились въ медушѣ, т.-е. въ погребѣ, гдѣ хранились вина и меды княжескіе. Всѣмъ стало стыдно своей трусости. Заглушивъ страхъ и совѣсть виномъ, полупьяные убійцы, какъ дикіе звѣри, кинулись въ княжескія сѣни, выломали здѣсь двери и начали стучаться въ запертую ложницу князя, крича: «господине, княже великій!» думая, что князь самъ отворитъ имъ двери спальни. Андрей, спавшій только съ однимъ «кощеемъ» (отрокомъ), разбуженный шумомъ, окрикнулъ стучавшихъ и спросилъ: «Кто тамъ?» «Прокофій, отвѣчалъ одинъ изъ злодѣевъ, назвавшись именемъ любимѣйшаго слуги кн. Андрея. «Нѣтъ это не Прокофій», сказалъ князь, узнавъ обманъ. Тогда злодѣи, видя, что ихъ обманъ не удался, начали ломиться въ двери ложницы. Князь быстро вскочилъ съ постели и бросился искать меча, съ которымъ онъ никогда не разставался и которому приписывалъ особую силу, такъ какъ это былъ мечъ св. Бориса. Но меча при немъ не было: ключникъ Анбалъ укралъ его. Между тѣмъ, убійцы, выломавъ двери, бросились къ безоружному князю. Андрей былъ силенъ и повергъ на полъ перваго попавшагося ему злодѣя; товарищи его, въ темнотѣ (такъ какъ огня не было),

подумали, что это упалъ князь и пронзили своего сообщника мечами. Но затѣмъ тотчасъ же увидѣли свою ошибку и бросились снова на князя, поражая его саблями, копьями, мечами. «Горе вамъ, нечестивцы!» кричалъ князь, «что я вамъ сдѣлалъ? зачѣмъ вы уподобляетесь Горясѣру (убійцѣ св. Глѣба)? Богъ отплатитъ вамъ за меня и за мой хлѣбъ». Но разъяренные и отуманенные пролитою кровію и виномъ, убійцы были глухи къ словамъ страдальца и наносили ему раны до тѣхъ поръ, пока онъ не упалъ, истекая кровію, въ обморокѣ. Убійцы, думая, что все уже кончено, и князь мертвъ, схватили своего убитаго товарища и поспѣшно выбѣжали изъ ложницы. Но князь былъ еще живъ; очнувшись, стеная и крича отъ боли, онъ спустился внизъ по лѣстницѣ изъ ложницы и, обезсилѣвъ, скрылся въ нишѣ за восходнымъ столбомъ, около котораго была лѣстница. Убійцы, услыхавъ голосъ князя, бросились снова на мѣсто преступленія и, не найдя здѣсь князя, пришли въ ужасъ. «Постойте, сказалъ одинъ изъ убійцъ, мнѣ показалось, что князь пошелъ подъ сѣни. Ищите скорѣе, иначе мы погибли». Зажгли огонь и по слѣду крови нашли князя внизу сѣней, въ его убѣжищѣ [1]). Князь, чувствуя свою близкую кончину, молился въ изнеможеніи. Съ дикою радостью подскочилъ къ умирающему Петръ, зять Кучковъ, и отсѣкъ ему правую руку. Снова посыпались на князя удары и онъ, едва успѣвъ сказать: «въ руцѣ Твои, Господи, предаю духъ мой», скончался. Короткая іюньская ночь быстро прошла, — стало свѣтать, — злодѣи нашли любимца князя Прокофія и убили его, затѣмъ ворвались во дворецъ, набрали множество золота, серебра, драгоцѣнныхъ камней,

[1]) Мѣсто это сохранилось до сихъ поръ и огорожено въ послѣднее время рѣшеткой.

жемчуга, разнаго имущества, взвалили все это на телѣги и отправили изъ Боголюбова въ свои вотчины. А сами, вооружившись и собравши вѣрную свою дружину и слугъ своихъ, принялись грабить приверженцевъ князя въ Боголюбовѣ: ограблены были любимые слуги Андрея и даже мастера иноземцы, которыхъ князь любилъ и жаловалъ за ихъ работы.

Убійцы князя, коимъ сочувствовали старые бояре и дружинники, обиженные Андреемъ, боялись Владимірцевъ, между которыми было много приверженцевъ Андрея. Они послали сказать имъ: «если кто изъ васъ помыслитъ идти противъ насъ, мы съ тѣмъ покончимъ, вѣдь не у однихъ насъ была дума (убить князя), а среди вашихъ есть такіе, которые были съ нами единодушны». Владимірцы, дружинники и бояре, боясь приверженцевъ Андрея, къ каковымъ принадлежало все посадское населеніе Владиміра и вообще низшіе классы общества, уклончиво отвѣчали: «кто съ вами въ думѣ, тотъ пусть и будетъ, а намъ не надобѣ» (т. е. наше дѣло сторона). Но затѣмъ, увлеченные примѣромъ Боголюбовцевъ, подняли мятежъ и во Владимірѣ, и во всѣхъ волостяхъ Ростовско-Суздальскихъ. Бояре и дружинники нападали на посадниковъ и тіуновъ, на созданное княземъ служилое сословіе, грабили ихъ домы, убивали ихъ во всѣхъ мѣстахъ; къ грабителямъ, — дружинникамъ и боярамъ, присоединялся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и народъ, тамъ, гдѣ онъ почему либо не любилъ княжескихъ слугъ и тіуновъ, производя грабежи и убійства, забывая, какъ говоритъ лѣтописецъ, что «гдѣ законъ, ту и обидъ много». Словомъ, мятежъ распространился по всей землѣ, такъ что «было страшно зрѣти». Во Владимірѣ мятежъ прекращенъ былъ

протопопомъ Микулицей, который, взявъ икону Божіей Матери, прошелъ по городу съ крестнымъ ходомъ и тѣмъ усмирилъ волненіе.

Между тѣмъ тѣло убитаго князя было выброшено убійцами на огородъ и лежало тамъ обнаженное. Всѣ слуги оставили князя и боялись убійцъ, которые хозяйничали въ Боголюбовѣ. Но нашелся между приближенными князя Андрея одинъ кіевлянинъ—Кузьмище, который не побоялся выразить открыто сочувствіе своему убитому господину. Онъ пришелъ во дворецъ и началъ искать тѣло убитаго, спрашивая: «гдѣ господинъ мой?» Пьяные слуги сказали Кузьмищу: «онъ тамъ валяется на огородѣ.... но не моги брать его,—кто его приметъ, тотъ врагъ намъ, и мы его убьемъ». Но Кузьма не побоялся угрозъ и, найдя тѣло Андреево, началъ плакать и причитать надъ нимъ: «О, господине мой! что сталось съ тобою? какъ это ты не узналъ скверныхъ и нечестивыхъ, пагубноубійственныхъ враговъ своихъ? какъ не побѣдилъ ихъ, какъ нѣкогда побѣждалъ враговъ?» Въ это время огородомъ проходилъ ключникъ Анбалъ, убійца князя. «Анбалъ, вражій сынъ!» закричалъ ему Кузьмище; «дай мнѣ коверъ или что-нибудь, чтобы завернуть тѣло князя». «Оставь его, отвѣчалъ злобный Анбалъ, мы хотимъ бросить его на съѣденіе псамъ». «Ахъ, еретикъ! хочешь уже псамъ выбросить», воскликнулъ съ негодованіемъ Кузьма, «а помнишь ли ты, жидъ, въ какомъ ты рубищѣ пришелъ сюда къ князю? и вотъ ты теперь ходишь въ оксамитѣ (въ бархатѣ), облагодѣтельствованный княземъ, а князь, благодѣтель твой, лежитъ нагой». Анбалъ выбросилъ ему изъ окна коверъ и корзно (плащъ). Обвернувъ тѣло князя, Кузьмище понесъ

его въ церковь. Но сторожа церковные были пьяны, и онъ не могъ достучаться и долженъ былъ положить тѣло въ притворѣ. «Князь его здѣсь», говорили ему, «вотъ еще нашелъ себѣ печаль съ нимъ». «Господинъ мой», началъ снова причитывать надъ тѣломъ князя преданный ему Кузьмище, «вотъ уже и слуги твои знать тебя не хотятъ: а прежде бывало, придетъ ли гость (купецъ) изъ Царьграда или изъ другихъ сторонъ, изъ русской земли (т. е. изъ южной Руси), латынецъ ли, христіанинъ ли, или поганый (язычникъ), ты велишь всѣхъ вести въ церковь и на полати (т. е. на хоры, гдѣ была ризница), пусть видитъ истинное христіанство и крестится; такъ и бывало: и болгаре, и жиды, и всѣ поганые, видѣвшіе славу Божію и украшеніе церковное... болѣе плачутъ объ тебѣ, а эти и въ церковь не пускаютъ». Цѣлыхъ два дня лежало тѣло убитаго князя на паперти. На третій день пришелъ игуменъ Козьмодемьянскаго монастыря Арсеній. [1]) внесъ тѣло князя въ церковь, положилъ въ каменный гробъ и отпѣлъ вмѣстѣ съ клирошанами по князѣ панихиду. Мятежъ мало по малу началъ стихать. На шестой день владимірскіе граждане, столь много обязанные Андрею, сказали игумену Ѳеодулу и Лукѣ демественнику (регенту) соборной церкви: «устройте носилки, поѣдемъ и возьмемъ князя, господина нашего Андрея»,

[1]) Въ вопросѣ о томъ, гдѣ былъ этотъ монастырь, историки расходятся. Доброхотовъ думаетъ, что монастырь этотъ былъ въ Суздалѣ, который, впрочемъ, судя по лѣтописи, основанъ позднѣе еп. Суздальскимъ Іоанномъ 1193—97 г.; К. Н. Тихонравовъ предполагаетъ, что монастырь этотъ былъ во Владимірѣ, гдѣ нынѣ Никитская церковь. Проф. Голубинскій дѣлаетъ остроумное предположеніе, что онъ былъ тамъ, гдѣ нынѣ Покровская церковь на Нерли, и былъ женскимъ, парнымъ Боголюбскому мужскому. Т. II. Ист. р. церкви.

а протопопу Микулицѣ велѣли собрать всѣхъ священниковъ владимірскихъ, облечься въ ризы и, взявши чудотворную икону Божіей Матери, встрѣчать тѣло князя за Серебряными воротами, которыя были на дорогѣ въ Боголюбовъ. Такъ и сдѣлали. Народъ во множествѣ вышелъ за городскія ворота встрѣчать своего любимаго князя. Когда показался гробъ князя и стягъ (знамя) великокняжескій, тутъ-то и обнаружилась та горячая любовь къ князю, которую питали къ нему владимірцы, въ особенности посадскіе люди, купцы, ремесленники и вообще низшіе классы общества, не боявшіеся теперь бояръ и дружинниковъ и открыто выражавшіе любовь свою. «Люди не могли удержаться отъ слезъ», говоритъ лѣтописецъ, «но всѣ вопили и заливались слезами, такъ что отъ слезъ не можаху прозрити», и вопль былъ слышенъ на далекое пространство. «Ужъ не въ Кіевъ ли собрался ты, княже», причитали владимірцы, «черезъ эти Золотыя ворота, какія ты послалъ было дѣлать вмѣстѣ съ церковію на большомъ Ярославовомъ дворѣ. «Хочу», говорилъ ты, «создать церковь такую же златоглавую, какъ на Золотыхъ воротахъ, въ память всему моему отечеству». [1]) Князя Андрея схоронили въ златоверхой церкви Успенія, имъ созданной и украшенной.

Такъ окончилъ жизнь свою св. Благов. Вел. князь Андрей Боголюбскій, первый собиратель Руси, первый могущественный князь ея, провозгласившій идею сильной и мудрой власти краеугольнымъ камнемъ, при созиданіи и укрѣпленіи Руси, и первый мученикъ этой идеи, запечатлѣвшій ее своею кровію. [2])

[1]) П. С. Л. II т. 1174 г.

[2]) Древнѣйшія лѣтописи ничего не сообщаютъ о судьбѣ убійцъ князя Андрея и о казни ихъ за ихъ злодѣяніе. Но въ

Древній лѣтописецъ, изобразившій яркими красками страшныя картины мученической кончины князя и его трогательное погребеніе, заканчиваетъ свое сказаніе такимъ замѣчательнымъ, по-истинѣ христіанскимъ размышленіемъ о трудовой жизни Андрея и о его безвременной и ужасной кончинѣ. «Св. Благовѣрный князь Андрей во всю жизнь свою не давалъ тѣлу покоя и очамъ «дремания» до тѣхъ поръ, пока не достигъ дома истиннаго, прибѣжища всѣхъ христіанъ, Царицы небесныхъ чиновъ, приводящей всякаго человѣка—ко спасенію многими путями. Какъ прекрасное солнце Богъ не поставилъ на одномъ мѣстѣ, чтобы оно оттуда освѣщало всю землю, но устроилъ ему востокъ, полдень и западъ; такъ и угодника своего, князя Андрея, Богъ не даромъ привелъ къ Себѣ, но далъ ему такъ пожить, чтобы онъ могъ не только жизнью своею душу спасти, но и кровію своею мученическою омыть свои прегрѣшенія. И апостолъ учитъ: кого

позднѣйшихъ рукописи, сборникахъ записаны народныя преданія, живущія въ памяти народной до сихъ поръ о томъ возмездіи, которое получили злодѣи отъ великаго князя Михаила Юрьевича, брата Боголюбскаго. По этому преданію В. К. Михаилъ отомстилъ за смерть брата, предавъ страшной казни убійцъ: имъ подрѣзаны были жилы и они заколочены были въ короба и брошены въ озеро, находящееся въ 7 верстахъ отъ Владиміра и называемое Плавучимъ. Простой народъ до сихъ поръ боится этого озера и, указывая на плавающія въ немъ мшистыя торфяныя кочки, считаетъ ихъ за короба съ тѣлами убійцъ Боголюбскаго. Многіе суевѣрные слышатъ даже стоны по ночамъ, раздающіеся будто бы изъ этихъ коробовъ, въ особенности мучительные въ ночь съ 29 на 30-е іюня. По этимъ же преданіямъ и жена Боголюбскаго будто бы тоже утоплена въ Поганомъ озерѣ близъ Владиміра В. К. Михаиломъ, предварительно вызванная во Владиміръ изъ Москвы яко бы на пиршество. (См. Древній гор. Боголюбовъ стр. 119—118. Доброхотова).

любитъ Господь, того и наказуетъ. И св. отцы: гдѣ нѣтъ подвига, тамъ нѣтъ вѣнца, гдѣ нѣтъ страданія, тамъ нѣтъ и воздаянія, ибо всякій держащійся добродѣтели не можетъ обойтись безъ многихъ враговъ. А потому-то заслужено принялъ отъ Бога побѣдный вѣнокъ, ты, князь Андрей, самое имя котораго значитъ «мужество», ты послѣдовалъ разумнымъ святымъ страстотерпцамъ, омывшись страдальческою кровію своею.... Вмѣстѣ съ братьями своими Романомъ и Давидомъ (св. Борисомъ и Глѣбомъ) притекъ ты ко Христу Богу и, водворившись въ райскомъ неизреченномъ довольствѣ, сподобился видѣть во вѣки блага.... уготованныя Богомъ всѣмъ любящимъ Его» [1]).

И это убѣжденіе въ святости невиннаго страдальца, великаго князя Андрея, и вѣра древняго лѣтописца въ то, что Господь увѣнчаетъ эту праведную кончину своего угодника мученическимъ вѣнцомъ, подобно Борису и Глѣбу, оправдались всецѣло въ послѣдствіи. Въ 1702 году мощи св. благовѣрнаго великаго князя Андрея Боголюбскаго были обрѣтены нетлѣнными и тогда же октября 15 дня положены на вскрытіи въ соборномъ храмѣ Успенія въ придѣлѣ Благовѣщенія пр. Богородицы, который затѣмъ въ 1768 г. по случаю реставраціи собора по Высочайшему рескрипту Императрицы Екатерины II переименованъ во имя св. благовѣрнаго великаго князя Андрея, а мощи были тогда переставлены и помѣщены между двухъ столбовъ на лѣвой сторонѣ въ срединѣ храма, гдѣ устроенъ надъ ракой роскошный балдахинъ, и гдѣ онѣ находятся до сего времени [2]).

[1]) П. С. Л. I и II т. подъ 1174 г.

[2]) Императрица Екатерина, даровавшая изъ своихъ средствъ на украшеніе собора 15000 р. и между прочимъ на устройство этого балдахина, прислала слѣдующіе стихи на гробницу великаго

Такъ мученически скончалъ свою жизнь благовѣрный князь Андрей. Но жертва, принесенная имъ для Руси, какъ и вся его дѣятельность, не остались безплод-

---

князя Андрея, написанные ей самой подъ вліяніемъ чтенія житія сего святаго, которые до сихъ поръ сохраняются, начертанные на стѣнѣ около св. мощей.

«Хотя кто правъ, живетъ хоть свято,
Но если злобствуютъ сердца,
У нихъ какъ бы въ законъ принято
Того губити до конца.
Примѣръ тому моя кончина,
Ей зависть съ злобой есть причина:
Я правъ—тираненъ, какъ злодѣй,
Отъ ближнихъ сродныхъ мнѣ людей».

И другое стихотвореніе, приписываемое также Императрицѣ Екатеринѣ, помѣщенное на самой гробницѣ св. князя, въ 1-мъ клеймѣ:

«Богъ дивный во святыхъ
Хранитъ вся кости ихъ
И ни единая отъ нихъ не сокрушится,
Да имя Божіе святится.
Зрѣть тлѣнное нетлѣннымъ существо
Невѣрію соблазнъ, а вѣрѣ торжество

Мы вѣруемъ и зримъ обѣтъ Господня слова:
Нетлѣнна плоть твоя до днесь угодника Христова,
Нетлѣнна плоть твоя, великій князь Андрей,
Въ защиту русскихъ странъ и въ славу ихъ царей,
И здѣшнихъ жителей въ отраду,
На утвержденью граду,
Въ которомъ мирно ты княжилъ,
И мученически животъ свой положилъ,
И возлетѣлъ въ страны незримы.
Пріими отъ насъ мольбы, Боголюбимый,
И къ Богу принеси,
Живущему на небеси».

ными. Сила Андреева, развѣянная послѣ его смерти на короткое время его врагами, снова собирается въ рукахъ брата его, могущественнаго Всеволода III, растетъ у князей московскихъ, слѣдовавшихъ во всемъ политикѣ Андрея, и достигаетъ апогея у «Государей всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Руси», осуществившихъ всецѣло политическіе идеалы Боголюбскаго.